

7 марта началась Масленица

Последняя неделя перед Великим постом называется сырной седмицей или Масленицей (Масляницей). Справляется этот праздник за семь недель до Пасхи и приходится на период с конца февраля до начала марта. Масленицей этот праздник прозвали за то, что в течение всей последней недели перед Великим постом дозволялось есть скоромные продукты, в том числе и коровье масло; а название «сырная седмица» возникло в связи с тем, что на этой неделе в среду и пятницу принято было есть сыр и яйца.

Масленица была одним из самых веселых и разгульных, истинно народных праздников. Ее повсеместно именовали «веселой», «широкой», «пьяной», «честной» и т.п. Как календарная граница, разделяющая зиму и весну, Масленица, с одной стороны, как бы подводила итоги прошедшего года, а с другой, – была «ориентирована на активизацию, восстановление всех сторон и аспектов жизни в начале года наступающего, жизни биологической, природной, социальной». Этот великий праздник возник задолго до принятия славянами христианства, а потому сохранил немало языческих черт; к нему приурочивалось множество обычаев и поверий, осуждаемых церковью, но пользовавшихся в народе большой популярностью. Так, например, столь характерные для больших языческих празднеств маскарады, приходившиеся на Масленицу, воспринимались духовенством как «непристойный разгул, неистовство и разврат». Многие священники весьма возмущались тем, что «в то самое время, когда бы всякий с сердечным раскаянием должен был приготовляться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблуждения люди предают душу дьяволу... Во всю Масленицу день и ночь продолжается обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство, так что ужасно слышать о том всякому христианину». По этой причине Масленицу долгое время старались уничтожить, однако это так и не удалось: ее лишь сократили до восьми дней.

У русских начало Масленицы приходилось на воскресенье за неделю до Великого поста, на так называемое мясное заговенье, когда в последний раз перед постом разрешалось есть мясо. Каждый день Масленицы имел свое название и за каждым были закреплены определенные действия, правила поведения, обряды и т.д. Так, понедельник масленичной недели именовался «встречей», так как в этот день «встречали Масляницу»; вторник называли «заигрышем» (так как с этого дня начинались разного рода развлечения); среду – «лакомкой» (так как в этот день начинались угощения блинами и другими лакомствами), «разгулом» (из-за нарастающего праздничного веселья) или «переломом» (потому что это – середина недели и праздника); четверг – «широким», «разгуляем» (так как с него начиналось самое веселье, собственно сам истинный всенародный праздник); пятница – «тещиными вечерами, вечеринками» (так как в этот день зятя приглашали в гости и угощали своих тещ); суббота – «золовкиными посиделками» (так как в этот день молодые невестки приглашали к себе на пир родных) или «проводами» (ибо на этот день часто приходились проводы Масленицы); воскресенье же – «заговеньем» или «прощеным днем» (так как здесь прощались с праздником и, кроме того, прощали друг другу все грехи, прощались и с покойниками).

Собственно, в некоторых местах о подобающей встрече и должном проведении ожидаемого с нетерпением праздника заботились еще с субботы предшествующей недели. Например, в Калужской губ. женщины в этот день начинали заранее печь блины к празднику, и каждая хозяйка давала один блин мальчику лет восьми-десяти, посылая его «встречать Масленицу»; размахивая блином, мальчик скакал по огороду верхом на ухвате или кочерге и кричал: «Прощай, зима сопливая! Приходи, лето красное! Соху, борону – и пахать пойду!». С субботы начинали праздновать «малую Масленку» и в некоторых селах Владимирщины: там ребятишки группами бегали по всей деревне и собирали лапти, а потом встречали взрослых, возвращающихся с покупками с базара, следующим вопросом: «Везешь ли Масленицу?»; кто отвечал им: «Нет», того били лаптями. В этот же день ребята с особым азартом катались с гор, так как считалось, что у того, кто дальше прокатится, лен уродится длиннее.

Последнее воскресенье перед Масленицей называлось в народе «мясное воскресенье». В вологодских селах принято было в этот день наносить визиты родственникам, друзьям и соседям, чтобы пригласить их в гости на Масленицу. Кроме того, в этот же день тесть ездил звать зятя «доедать барана». А в народе про вечер перед масляной неделей говорили: «Заговляюсь на сыр да на масло».

Подготовка к Масленице. Масленичная еда.

К первому дню Масленицы повсюду – и в городах, и в селах – обустроивали места для народных забав: делали общественные качели, подготавливали горы для катания, ставили балаганы для скоморохов, а также лавки и столы для продажи сладостей и прочих яств. «Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не отведать сладких яств – значило в старину: жить в горькой беде, и то при старости, лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног». Правда, масленичный разгул обычно развертывался во всю ширь не с первого дня масленичной недели (в это время веселились по большей части одни ребята), а с четверга, называемого в народе «широким»; первая же половина масленичной недели обычно посвящалась подготовке к празднику и, в частности, закупкам.

Покупки на Масленицу совершались самые разные, но в первую очередь покупались обновы (по большей части наряды и украшения для девушек и молодых) и различная снедь – водка, рыба, постное масло, гречневая мука, сладости и т.д. Закупки такого рода нередко бывали, применительно к крестьянскому бюджету, очень велики. На еду в это время не скупилась, так как Масленица была «праздником еды по преимуществу», и обилие блюд считалось лучшим доказательством гостеприимства, отчего Масленицу и называли в народе объедухой. Один из иностранных путешественников (Одербон), посетивший Россию в XVI в., так писал о разгульном празднике Масленицы: «Масленица названа так потому, что в продолжение этой недели русским дозволяется есть коровье масло, а в постные дни они употребляют черное. В это время у русских почти беспрерывно продолжается обжорство и пьянство; они пекут паштеты, т.е. оладьи и блины из масла и яиц, зазывают к себе гостей и упиваются медом, пивом и водкой до упаду и до беспамятства».

Основной едой на Масленицу являлись молочные продукты, рыба и, разумеется, блины. Блин, как символ солнца, у русских считался непременно украшением масленичного стола; недаром в народе говорили: «Без блинов – не Масленица». Готовить это обрядовое кушанье начинали с самого первого дня праздника и пекли потом всю неделю (иногда называемую из-за этого блинницей, блинщиной). На Руси блины готовили обычно из гречневой или пшеничной муки и пекли их большими, во всю сковородку, тонкие и легкие; при этом каждая хозяйка имела свой собственный рецепт и держала его в строжайшем секрете от соседок. К блинам на праздничный стол подавались также самые разные приправы: сметана и молоко, сырые или вареные яйца, рыба и икра, масло, мед и пр. Некоторые хозяйки готовили к празднику целые пироги-блинники, представлявшие собой сложенные стопкой блины, перемазанные болтушкой из коровьего масла и сырых яиц и запеченные в русской печи. Блинами буквально обжирались все от мала до велика, а хозяйки только подбавляли золотистые стопки, приговаривая: «Как на масляной неделе из трубы блины летели! Уж вы блины мои, уж блиночки мои!», или: «Пришла масляная неделя, была у кума на блинах. У кума была сестрица, печь блины-то мастерица. Напекла их кучек шесть, семерым их не поесть. А сели четверо за стол, дали душеньке простор, друг на друга поглядели... И блины-то все поели!»

Заводя в начале праздника опару и приступая к стряпне блинов, женщины непременно прибегали к особым обрядам. Например, некоторые стряпухи готовили опару на дворе, часто на снегу или у воды, с особым приговором: «Накануне [масленичного понедельника] вечером, когда появятся звезды, старшая в семье женщина выходит на реку, озеро или к колодцу потихоньку от прочих и призывает месяц выглянуть в окно и подуть на опару: “Месяц ты месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару!”»; делалось это для того, чтобы блины получились белые и рыхлые. Иногда в тесто вместо обычной воды добавляли снег, видимо, надеясь на животворящую силу мартовской влаги. Готовить первую опару доверяли только «старшим», самым уважаемым в семье женщинам, хорошим стряпухам. Приготовление первой опары держалось в величайшей тайне от всех домочадцев и тем более от посторонних, ибо, по народному убеждению, в противном случае блины получатся плохими, невкусными.

Блины,готавливаемые хозяйками на Масленицу, использовались отнюдь не только в качестве обычного лакомства. Например, их подавали колядующим (участникам ритуальных обходов), нищим и священникам, в большом количестве выставляли на стол во время традиционных визитов родни и прочих желанных посетителей (отчего даже приглашение в гости нередко звучало как приглашение «на блины», «на блинный стол»); девицы брали их с собой на молодежные гуляния и вечеринки и угощали блинами понравившихся парней. Первый блин на Масленицу традиционно посвящался умершим предкам; его смазывали маслом и медом, после чего клали на божницу, слуховое окошко или на крышу для «душ родительских» со словами: «Честные родители наши, вот для вашей души блинок!». Иногда первый блин бросали за спину через голову, считая, что таким образом «кормят души». В некоторых местах первый блин также посвящали Власию, либо съедали сами за упокой усопших, либо отдавали нищим «на помин души» (т.е. чтобы они, поедая его, помянули всех усопших). Блины также приносили умершим предкам на могилы в Прощеное воскресенье (последний день праздника). Помимо этого, блины и некоторую хозяйственную утварь, используемую для их приготовления, давали в руки чучелу Масленицы, а по окончании праздника уничтожали вместе с этим

чучелом.

Встреча праздника.

На первый день Масленицы русские обычно устраивали встречу праздника – «встречу честной Масляницы, широкой боярыни». Дети с самого утра выходили на улицу строить снежные горы и, покончив с этим делом, принимались скороговоркой причитывать: «Звал, позывал честной Семик широкую Масляницу к себе в гости во двор. Душа-ль ты моя, Масляница, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Уж ты ль, моя Масляница, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трех матерей дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовый дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Выезжала честная Масляница, широкая боярыня на семидесяти семи конях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу Маслянице выезжал честной Семик на салазочках, в одних портяночках без лапоток. Приезжала честная Масляница, широкая боярыня, к Семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масляница на горах покаталась, в блинах повалялась, сердцем потешалась. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовый терем, за дубовый стол к зеленой вину. Как и она-ль, честная Масляница, душой потешалась, умом повеселялась, речью наслаждалась». После такой встречи дети сбегали или съезжали с гор и кричали: «Приехала Масляница! Приехала Масляница!».

В некоторых местах к первому дню праздника специально сооружали из соломы или дерева чучело «Масляницы», надевали на эту куклу женскую или мужскую одежду, а потом сажали на салазки и с песнями везли на гору. Иногда этим занимались те же ребята, что «встречали Масляню», а иногда молодые парни и девушки. Например, в Дмитровском р-не (под Москвой) «в понедельник в семьях, где есть молодежь, делают из тряпок женскую фигуру с длинной косой, одетую в девичий наряд... в руки этой фигуры дается помазок и блин». «Масленицу» возили по селу со «встречальными» песнями: «А мы Масленицу дожидали, / В окошечку поглядали... / Сыром, маслицем поливали. / На горушку выходили, / Сыр с маслицем выносили, / Сыром, маслицем поливали, / Чтобы горушки были катливые, / Чтобы девушки были гудливые» и т.п. Вместо чучела могли возить и украшенное бубенцами и лоскутками дерево; а в Архангельске мясники возили быка.

Собственно, ритуалы «встречи Масленицы» могли устраиваться по-разному, однако все они, как правило, отличались веселой торжественностью и грандиозностью; участвовало в них все население. Так, например, в городах Сибири торжество по случаю Масленицы некогда было таким: заранее, еще до праздника сколачивалось несколько саней огромного размера, а на них устраивался целый корабль с парусами и снастями, на котором ехали ряженые – скоморохи, «медведь» и сама «госпожа Масленица». В сани впрягали до 20 лошадей, и всю эту повозку с песнями и весельем возили по городу, а за поездом следовали толпы людей.

Традиционные посещения и обходы.

Хожdenие в гости на праздники было характерно для всех славян, да и для многих других народов тоже. Особенно это относилось к переломным временам года, к календарным границам, в честь которых община закатывала пиры на несколько дней, иногда даже недель (как это происходило при встрече Нового года). В это время, свободное от забот, принято было посещать родных, близких и знакомых с подарками и благими пожеланиями.

В народной традиции гость всегда и везде выступал как лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», как представитель «иного» мира, определенным образом влияющий на судьбу обитателей дома. При этом различались собственно гости (т.е. люди, явившиеся по специальному приглашению), случайные посетители (в частности, нищие, странники) и ритуальные визитеры (колядующие, полазники и пр.); но в любом случае, приход гостя всегда сопровождался определенными ритуалами, ибо гость воспринимался как носитель судьбы, и от способа его встречи зависело благополучие хозяев. Для Масленицы, как и для некоторых других праздников, было обычным появление всех трех категорий гостей: визиты родных и близких, обходы колядующих и появление случайных посетителей (в частности, нищих, которым подавали блины «на помин души»).

Ритуальные обходы (колядование).

Колядование заключалось обычно в том, что группа неких лиц (молодежи или ребятшек, ряженых, иногда даже священнослужителей) обходила все дома в деревне, распевая благопожелания, псалмы или народные

песни (причем как ритуальные, так и обычные, нередко шуточного содержания) и получая за это плату угощением (блинами, ватрушками, колбасами и пр.) и мелкими деньгами. Традиционно колядование приурочивалось к зимним праздникам, в первую очередь – к Рождеству, Новому году и святкам; но в несколько измененном виде этот обычай присутствовал и в масленичной обрядности.

Масленичное колядование приходилось на разные дни праздника, но обычно сочеталось либо со встречами Масленицы, либо со всенародными четверговыми гуляньями. Например, в Ярославле колядовщики начинали ходить с четверга: «фабричные ходят по домам с бубнами, рожками и балалайками для поздравления с праздником: “Прикажи, сударь-хозяин, Коляду пропеть”... За колядские песни колядовщиков угощают пивом и награждают деньгами». В деревнях же (во Владимирской, Курской, Калужской и др. губ.) колядовать бегали в первую очередь ребяташки: в первый день праздника, собравшись группками, они поутру обходили дворы, поздравляли хозяев с наступлением Масленицы и выпрашивали блины: «Тин-тинка, подай блинка, оладышка-прибавышка, масляный кусок! Тетушка, не скупися, масляным кусочком поделися!», «Ах ты Домнушка, красно солнышко! Вставай с печи, гляди в печь: не пора ли блины печь!», «Мы давно блинов не ели, мы блинчиков захотели... На поднос блины кладите да к порогу подносите!» и т.п. После этого ребяташки входили в дом и просили: «Подайте широкой Масленице!», а хозяйке полагалось угостить их блинами. Если хозяйка подавала мало или вообще отказывала в угощении, ребяташки убегали со словами: «Паршивые блины по аршину длины!» После обеда попрошайничество заканчивалось, ребяташки отправлялись кататься с гор и, съезжая, выкрикивали: «Широкорожая Масленица, мы тобою хвалимся, на горах катаемся, блинами объедаемся!».

Следом за ребятами на колядование отправлялись и парни с девушками. В один из первых дней праздника молодежь принималась ходить от дома к дому и собирать «на Масленицу» песнями и прибаутками: «Масленица-кривошейка, встречаем тебя хорошенько! С блинцами, с каравайцами, с вареничками!», «Ой да Масленица на двор въезжает, / Широкая на двор въезжает! / А мы, девушки, ее встречаем, / А мы, красные, ее встречаем! / Ой да Масленица, погостуй недельку, / Широкая, погостуй другую! / Масленица: “Я поста боюсь!” / Широкая: “Я поста боюсь!” / “Ой да Масленица, пост еще далече, / Широкая, пост еще далече!”», «О, мы Масленицу встречали, / встречали, лёли, встречали, / Мы сыр с масельцем починали, / Мы блинками гору устилали, / Сверху масельцем поливали, / Как от сыра гора крута, / А от масла гора ясна, / А на горушке снега сыплут, / А нас мамочки домой кличут, / А нам домой не хочется, / Нам хочется прокатиться, / С горушки да до елушки! / Наша горушка всё катлива, / Наши бабушки воркотливы, / Они день и ночь все воркочут, / Они на печке лежат, все про нас говорят, / “Не пришел бы к нам кто, не принес бы чего, / Или сыра кусок, или мыла брусок”. / Гоголечек, гоголечек, лёли, гоголечек!» и т.д. За такие песни колядующих потчевали блинами, а иногда также прочей снедью и мелкими деньгами.

Гостевание.

Хожdenие в гости на сырной неделе и устраивание обильных трапез в честь гостей и домочадцев было известно повсюду, где только праздновали Масленицу. Всеобщее гостевание, сопровождавшееся поглощением огромного количества жирной пищи (блинов, оладий и пр.) и одариванием родственников и близких подарками, считалось необходимым для сытого и счастливого существования людей в наступающем году: народ был уверен, что Масленицу для собственного же благополучия необходимо «потешить», широко ее встретить и разгульно проводить. Недаром поселяне говорили: «Хоть с себя что заложи, а Масленицу проводи»; тех же, кто скупердяйничал и не отмечал праздник с должным размахом, соседи порицали и поговаривали, что такой человек будет жить плохо, в нужде и бедности.

Особое внимание на Масленицу оказывалось молодоженам, вступившим в брак в течение последнего мясоеда, поэтому определенные дни сырной недели отводились специально для визитов породнившихся семей.

Так, например, по русскому обычаю, в первый день сырной недели, там, где молодые встречали первую совместную Масленицу, тещи приходили к зятям в дом учить своих дочерей печь блины. В старину молодые специально приглашали тещу «поучить уму-разуму», и это считалось за великую честь; о таких приглашениях извещали всех родных и соседей. Званная теща обязана была прислать дочери с вечера всю необходимую блинную утварь (сковороды, дежки, половник и кадку для опары), а тесть присылал мешок гречневой муки и коровье масло. Игнорирование молодоженами этого обычая «считалось бесчестьем и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем».

В среду, на «лакомки», теща обязательно приглашала к себе зятя с молодой супругой. Этот визит обставлялся обычно очень торжественно. Заранее, часто еще накануне праздника, тесть или брат молодой являлся в дом молодоженов и приглашал их на угощение; после этого молодка уходила в родительский дом вместе со «зватом», а через некоторое время (утром следующего дня, если приглашение было заблаговременным) за

ней отправлялся молодой. После этого собирались и другие гости – семья мужа, прочие родственники, подруги невесты. Молодоженов принимали с величайшим почетом: усаживали в «передний угол», подносили лучшие яства. Если гостей собиралось много, для молодых ставили отдельный стол. Угощение подавали самое лучшее, по возможности с несколькими сменами блюд. Например, в зажиточных семьях первыми подавали холодные закуски и соленые огурцы, затем жареную рыбу, большие стопки блинов с самыми разнообразными приправами, творожники, лепешки, пироги с различными начинками и прочие лакомства.

Во время угощения теща особенно старалась угодить дорогому зятю: всячески его обхаживала и веселила, подносила ему лучшие блюда и т.д. Деревенские хозяйки, готовя праздничное угощение, приговаривали: «Зять на двор – пирог на стол», «Придет зять, где сметанки взять?», «У тещи про зятя и ступа доит», и т.п. О хлопотах тещи при угощении зятя в народе существовали даже шуточные песни, которые распевали вечером холостые парни. Пение иногда сопровождалось ряженьем и пантомимой: например, ряженный медведем демонстрировал, «как теща про зятя блины пекла – как у тещи головушка болит – как зять-то удаль теще спасибо казал». Правда, при этом некоторые песни акцентировали возникающую порой неприязнь между матерью невесты и молодым супругом, например: «Теща зятюшку потчивает: / Сядь-ка-ся, ты зятюшка, покушай-ка! / Думала теща: пятерым пирог не съесть, / А зять-то сел да за присестом съел. / Теща по горенке похаживает, / Нехотя на зятя поглядывает, / Потихоньку зятюшку поборанивает: / Как тебя, зятюшка, не разорвало, / На семь частей не раздернуло. / Зять услышал, на то теще сказал: / Лучше разорви тебя, тещу мою, / Тещу мою да вместе с дочерью. / Знала бы ты, теща, не потчивала. / Стал потом зять тещу в гости звать. / Приходи-мол, теща, на масляницу, / Я тебя, матушка, отпотчиваю / В четыре дубины березовые, / Пятый кнут по заказу свит. / Вырвалась теща из зятниных рук, / Бежала домой без оглядки, / Прибежала домой, да на печку легла. / Вот погоди: стук! стук! у ворот. /

– Батюшки, ребятушки, не зятник ли мой? / Матушка родимая, зять идет! / Зять идет на похмельице зовет. / – Скажите ему: со вчерашнего больна, / С пива и с вина да болит вся спина. / С мягких блинов порасперло бока, / Со сладкого меду я вся немогу». Народные присловья еще и добавляли: «Был у тещи, да рад утекши», «У тещи зять – первый гость, а принят в дом – первый разбойник», «Нет черта в доме – прими зятя», «Зять в дом – и иконы вон», и т.п.

Такая рознь между тещей и зятем, конечно, имела место далеко не всегда, а преимущественно в тех случаях, когда молодой считал себя обманутым. При такой вражде, как бы теща не старалась «разлепешиться в лепешку», зять оставался непреклонным и на яства не смотрел, лишь отвечал грубо: «Не хочу, от прежних угощений тошнит... Сыт, наелся». Иногда он при этом наносил и какое-либо символическое оскорбление, например, крошил в чашку с кислым молоком блин, выливал туда же стакан браги и подавал жене со словами: «На-ко, невинная жenuшка, покушай и моего угощенья с матушкой: как тебе покажется мое угощенье, так мне показалось ваше». Особо сердитый зять мог начать прямо тут же «отбивать характер» молодой жене, а иногда и теще доставался подзатыльник. При этом и молодая, и теща почти никогда не протестовали, сознавая свою вину; тесть же обычно не только не останавливал зятя, но и, после ухода молодых, тоже порой брался «поучить старуху, чтобы лучше смотрела за девками».

По счастью, вражда между породнившимися семьями возникала не часто и молодые, еще только начавшие совместную жизнь, бранились редко, наслаждаясь пока всеобщим вниманием и почетом на «тещинных блинах». Такие пиршества обычно длились чрезвычайно долго, а после них молодые отправлялись кататься на саях вместе с бывшими подругами невесты; прочая же родня в это время начинала свою собственную попойку, которая обычно заканчивалась только поздней ночью.

Важным элементом гостевания молодых на «лакомки» был обряд, называвшийся «ходить с отвязьем». В это время молодая уже окончательно прощалась с родительским домом, и родители вручали ей ложку и чашку как символ самостоятельного хозяйства. Молодые тоже должны были являться в гости не с пустыми руками: в подарок родне они приносили пряники и «прощеники» – особые масленичные пироги с изюмом, испеченные из пшеничной муки и украшенные сверху вензелем; кроме того, молодой часто одаривал тещу, золовку и прочих родственников жены новыми лаптями, сплетенными им лично или его близким родственником (отцом или братом).

В некоторых районах распространен был также обычай «хождения молодых с мылом». Заключался он в том, что в среду или четверг масленичной недели молодожены приходили в гости к свату; там их угощали разными сластями, а вечером туда же приходили подруги молодой и ее родственники. В этот вечер молодая вспоминала свое девичье житье, и совершались так называемые «перегулки» – как бы повторение девичника и самой свадьбы. Веселье продолжалось далеко за полночь; наутро же переночевавшие у тестя молодые ходили с визитами к родственникам, причем брали с собой кусочки мыла и пирожки по числу родных. Придя в дом родственника и помолившись, они давали хозяину кусочек мыла и пирожок, а хозяин в ответ одаривал их

мелкими деньгами.

Масленичным визитам молодоженов в народе придавалось очень большое значение. Если в какой-либо семье не было молодой пары, то хозяева старались пригласить в гости недавно поженившихся родственников или близких знакомых; но поскольку молодожены обязаны были на Масленицу посетить всех, кто гостил у них на свадьбе, редкий дом в деревне оказывался обойден вниманием новых семей. И повсюду молодых супругов встречали с почетом, потчевали от души и всячески ублажали, как самых дорогих гостей. Объяснялось это, по-видимому, древним представлением о том, что молодожены, будучи символическими носителями животворной силы, одним своим присутствием стимулируют плодородие земли и людей, а следовательно, благополучие общины. За щедрое угощение и радушный прием молодые должны были наградить хозяев каким-нибудь подарком: пряником, коврижкой, полотенцами, мылом и т.п.; а приезжать в гости без подарка считалось большим неуважением и позором для молодой пары, так что самые бедные просто избегали визитов.

Погостив в среду-четверг у родных и друзей, молодожены должны были приготовить ответное пиршество. Так, в пятницу зять устраивал «тещины вечерки»: с почетом приглашал на обед или ужин тещу со всей родней. Зять обязан был с вечера лично пригласить тещу, а утром еще и прислать нарядных «зватых», и чем больше было этих «зватых», тем почетнее считалось приглашение. Дружка или сват также часто приглашался на такой «вечерок»; здесь он играл примерно ту же роль, что и на свадьбе (в частности, выполнял роль «зватого»), и получал за свои хлопоты подарки с обеих сторон. А в субботу, на «золовкины посиделки», невестка приглашала к себе родных мужа и одаривала своих золовок (сестер мужа) подарками. Если золовки были еще в девушках, то невестка созывала на угощение своих прежних подруг-девиц; а если золовки уже вышли замуж, то она приглашала замужнюю родню и «со всем поездом развозила гостей по золовкам».

Кроме молодых и их семей, масленичные визиты считались обязательными также для кумовьев. Родители новорожденных детей ходили к кумовьям «с отвязьем», т.е. приносили им специально для Масленицы испеченный с изюмом и украшенный вензелями пшеничный хлеб — «прощеник». В иных местах, навещая в прощенное воскресенье кума с кумой, «за ризки и зубок» привозили разные (смотря по состоятельности) подарки; в деревнях самым почетным даром куму считалось полотенце, а куме — брусок мыла. Кум и кума, в свою очередь, также наносили визит крестнику и приносили свои подарки: обычно, кроме пряника, кум приносил чашку с ложкой, а кума ситцу на рубашку; более же богатые кумовья дарили свинью, овцу или жеребенка. Кумовьев непременно садили за стол и щедро потчевали «за здоровье крестника».

Масленичные забавы.

Самый масленичный разгул с гостеванием, пиршествами и всенародными гуляньями обычно начинался в четверг сырной седмицы и продолжался до субботы-воскресенья. Как уже говорилось выше, даже встреча Масленицы нередко устраивалась именно в этот день, во время игрищ и прочих увеселений. Основными забавами на Масленицу являлись катания с гор, на санях и на коньках, кулачные бои, взятие снежного городка, качание на качелях, молодежные игрища и т.п. В городах же и больших селах Масленица непременно сопровождалась пышными ярмарками, скоморошьими представлениями, вождением медведя и т.п. В конце XIX — начале XX вв. эти обычаи воспринимались уже как простое веселье, «до коего больно охоч наш народ»; однако когда-то они относились к числу обрядов аграрно-хозяйственного цикла, весьма важных для древнего земледельца.

Музыка и скоморошьи забавы.

Пожалуй, ни один праздник на Руси не обходился без веселых карнавальных шествий скоморохов. «Гусли, гудки (ящики со струнами), сопели, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (разновидность литавр), волынки, медные рога и барабаны — всем этим тешили православный люд скоморохи, составлявшие у нас в некотором смысле особенный ремесленный цех... Иногда они образовывали вольную группу из гулящих людей всякого происхождения, иногда же принадлежали к дворне какого-нибудь знатного господина. Они были не только музыканты, но соединяли в себе разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудке, другие били в бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выученных собак и медведей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потешники, умевшие веселить народ прибаутками, складными рассказами и красным словом. Другие носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто соблазнительных положениях; но более всего они отличались и забавляли народ позорами или действиями, то есть сценическими представлениями. Они разыгрывали роли, наряжались в странное (скоморошное) платье и надевали на себя маски, называемые личинами и харями... Скоморохи ходили большими компаниями, человек в пятьдесят и более, из посада в посад, из села в село и представляли свои позоры... И старые, и малые глазели на них и давали им кто денег, кто вина и пищи. Скоморохи возбуждали

охоту в зрителях, и последние сами принимались петь, играть, плясать и веселиться. Зимой разгулье скоморохов было преимущественно на святках и на Масленице; тут они ходили из дома в дом, где были попойки, и представляли свои потехи... Вообще же песни их были большей частью содержания, оскорбляющего стыдливость; их танцы были непристойны; наконец, их позоры также имели предметом большей частью что-нибудь соблазнительное и тривиальное... » (Н.И.Костомаров).

Выступления музыкантов и лицедеев издревле были популярны как на Руси, так и в других славянских землях. Более того, люди, играющие на духовых, струнных и ударных инструментах, гуслиеры и скоморохи, ряженные в маски и «деющие на глумление человеком», в языческие времена не просто развлекали толпы, но представляли собой особый разряд волхвов, выполнявших необходимые для благополучия общины ритуалы. В частности, они были хранителями различных баллад, сказаний и мифов; под их руководством происходили «русалии» – языческие празднества и ритуалы, стимулирующие вегетативные силы земли.

«Русалии» – «играния бесовские» – подробно описаны в «Слове святого Нифонта о русалиях», написанном (на основе греческого жития) в Ростове в 1220 г. «Слово...» повествует о том, как на городской площади около церкви св. Нифонт встретил процессию русальцев. Впереди шел «унылый и дряхлый» старец, за ним следовал флейтист и зрители: «скача с сопельми и с ним идяше множество народа, послушающе его; инии же плясаху и пояху... влекомы в след сопельника». Горожане радостно встречали музыкантов и одаривали их деньгами; Нифонт же упрекал их за это, «бе одержим великою печалью о таковой погибели... и моляшеся остати всем игр бесовских, – наипаче же свое имение дают бесу лукавому, иже суть русалия инии же скоморохом». В русской переделке поучения Ефрема Сирина тоже говорится, что Христос посредством пророков и апостолов призывает людей, «а дьявол зовет гуслими и плесце и песнями неприязненными и свирельми». Так же относились к скоморохам и другие церковные авторы: «Се же суть злая и скверная дела: плясанье, бубны, сопели, гусли, писковье, игранья неподобныя, русалья», «Егда играют русалия, ли скомороси... или како сборище идольских игр – ты же в тот час пребуди дома!», «Смеха бегай лихого; скомороха и слаточьхара и гудца и свирца не уведи у дом свой глума ради» и т.п.

Таким образом, церковные власти неодобрительно относились к народным увеселениям вообще и к инструментальной музыке в частности. Общение со скоморохами считалось греховным и строго запрещалось, а правительство, следуя внушениям церковников, не раз приказывало ломать и жечь инструменты и хари, избивать батогами скоморохов и тех, кто их призывал. Доставалось и обычным музыкантам, хотя в первую очередь карающие меры церкви были направлены именно против участников древних ритуальных обходов (типа «вождения кобылки»), носивших личины и отличавшихся «непристойным поведением». Даже в XIX в. «у тех, которые хотели быть и казаться благочестивыми, церковное пение было единственным развлечением... Музыка преследовалась церковью положительно, даже народные песни считались бесовским потешением. Православная набожность хотела всю Русь обратить в большой монастырь». Но это вовсе не значит, что народ отказался от запретных увеселений: скоморошьи выступления на протяжении веков оставались неотъемлемой частью народных праздников, равно как ряженье и ритуальные обходы считались неперменным элементом зимнего цикла праздников. Этих забав не чурались даже светские власти: например, «царские семейства забавлялись песнями, которые пели им потешники, сказками, смотрением на пляску и даже разными действиями или сценическими представлениями. Во дворце были веселые гусельники, скрипичники, домрачеи, цимбальники, органисты; штат двора составляли, в частности, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потешавшие высоких особ своими шалостями». На Масленицу же скоморохи и им подобные артисты, так сказать, «правили бал»: именно они руководили народными гуляньями, катанием, встречей и проводами Масленицы, грищами и ярмарочными увеселениями.

Взятие снежного городка.

Традиция строительства крепостей из снега и льда известна с начала XVIII в.; первоначально это развлечение устраивал «служилый люд», а позднее их примеру последовала сельская молодежь. Этой забаве предавались в Сибири, на Урале, в Симбирской, Пензенской, Тульской и др. губерниях. Городки возводили на открытых местах – на обледенелых реках и озерах, на полях или площадях (в городах и больших селах). В сельской местности сооружением городков занимались молодые парни и мужики, иногда к ним присоединялись и дети; а в городах в строительстве принимали участие власти, организующие народные увеселения.

Городки строили преимущественно из снега и льда. Стены снежных крепостей (обычно овальной формы) складывали из больших блоков спрессованного снега, после чего обливали всю конструкцию водой и поверх ледяных стен наращивали крышу. В крепостной стене делали ворота с дугообразной аркой, покрытой затейливым узором, а в центре городка, сразу за воротами, вырубали большую открытую полынью. Многие городки представляли собой настоящие шедевры: парни и молодые мужики под руководством мастеров

создавали большие ледяные крепости, украшенные изображениями людей, зверей, птиц и растений, вырезанных из ледяных глыб или слепленных из снега.

Реже встречался другой тип городков – деревянные четырехугольные сооружения, какие делали в селах верховья Оби. Возводили их следующим образом. Из утрамбованного снега, облитого водой для появления ледяной корки, делали массивные колонны, соединенные арками. Потом на эту основу настилали широкий помост из деревянных плах, валы укрепления украшали ледяными скульптурами, а по углам крепости вкапывали высокие деревянные столбы, обернутые соломой; эту солому поджигали после взятия городка, создавая таким образом огромные факелы.

Само взятие снежного городка происходило обычно в последний день Масленицы, Прощеное воскресенье, перед заходом солнца. Это были своего рода «проводы Масленицы», символизовавшие, вероятно, победу весны над зимой и наступление весенне-летнего периода. Перед боем все собравшиеся разделялись на две группы: одна должна была осаждать город, а другая – защищать его. Выстроившись в боевом порядке, нападающие по сигналу предводителя пускались на взятие стен снежного города, а защитники, вооруженные метлами, снежками и прочими орудиями, старались отогнать их от городка. Город считался взятым, если кто-нибудь из нападающих прорывался в ледяные ворота.

В больших городах и крупных селах взятие снежного городка нередко превращалось обычно в захватывающее представление; на него собирались поселяне со всей округи, наряженные в лучшие одежды. Защитники крепости держали в руках ружья, заряженные холостыми патронами, а также метлы, колья, снежки, еловые ветки и прочее оружие. Группа нападающих состояла из всадников и пехотинцев с деревянными кольями («копьями») наперевес, а командовал ими «генерал»; кроме того, их благословлял на взятие города «царь» – ряженный в короне из золоченой бумаги или в колпаке и рваной одежде, с вымазанным сажей лицом. «Царь» появлялся в лодке, запряженной парой или тройкой коней, в сопровождении других ряженных – «свиты», сидевшей в отдельных санях за столами с водкой. «Царь» произносил торжественную речь, постоянно при этом дурачась и отпуская разные шутки, а его «свита» поддерживала своего «владыку», дергаясь и хлопая себя так, как это делает человек, моющийся в бане. После окончания речи раздавался сигнал трубы, и все нападающие, выставив вперед «копья», бросались на штурм. «Конница» старалась запугать обороняющихся громкими криками и топотом лошадиных копыт, «пехота» с помощью веревок и крючьев пыталась взобраться по стенам, а защитники всячески отбивались: отмахивались палками и нагайками, палили из ружей, пытались напугать и отогнать коней, хлестали атакующих колючими ветками, били в них снежками, лили со стен холодную воду и сбрасывали снежные глыбы. Атакующие же в первую очередь старались взломать крепостные ворота, и когда им это удавалось, какой-нибудь ловкий парень протискивался внутрь крепости. Тогда обороняющиеся набрасывались на смельчака, окунали его в прорубь, а потом валяли в сугробе, набивая снег под рубаху и натирая лицо до красноты. В это время прочие нападающие и зрители набрасывались на крепость и разрушали ее до основания, чем и заканчивалась игра. Все участники игрища, немного отдышавшись, с песнями возвращались в деревню и устраивали совместное пиршество вскладчину. Победителя и прочих отличившихся во время сражения славил и угощали, потом они в течение всего года пользовались уважением односельчан.

Во многих русских губерниях под «взятием снежного городка» подразумевали и еще одну забаву: доставание призов с высоких столбов. Эти столбы гладко обтесывали и даже обливали водой до получения ледяной корки, после чего вкапывали их на ярмарочных площадях, а во время народных гуляний все желающие могли попробовать залезть на столб, чтобы достать с его вершины приз (отрез материи, сапоги, бутыл с вином и т.п.). Иногда вместо столба вкапывали длинный гибкий шест, который изгибался под тяжестью карабкающихся по нему мужиков и парней. Победителя, которому все-таки удалось добраться до вершины и отвязать приз, купали в снегу и натирали снегом.

Игра в мяч.

Игра эта, довольно распространенная в русских губерниях, состояла в следующем: в последний день Масленицы парни и семейные мужики из нескольких околных деревень сходились куда-нибудь на ровное место (чаще всего на реку), разделялись на две группы, человек по тридцать каждая, и назначали места, до которых следовало гнать мяч. Обычно сражающиеся стороны становились против середины деревни, и одна группа должна была гнать мяч вниз по реке, а другая – вверх. Когда бросали мяч (как правило – тяжелый и кожаный, величиной с большой арбуз), все тут же кидались к нему и начинали пинать ногами, стараясь загнать на свою сторону. В стремлении доставить мяч к намеченной цели и не дать захватить его противнику, обе группы нередко устраивали целое побоище, усугублявшееся еще и тем, что проиграть в этой игре считалось большим унижением: побежденных целый год высмеивали и дразнили, называя их «киловниками» (что считалось очень обидной кличкой, обозначающей верх презрения), а победители пользовались общим

почетом, их угощали водкой и прославляли. Парень, угнавший мяч на свою сторону, становился героем, и девушка считала за честь посидеть с ним вместе на «вечорках».

Кулачные бои и драки.

Рукопашное состязание двух бойцов без применения оружия было одним из главных развлечений мужчин на праздниках. Эта забава была широко распространена у русских, но также встречалась и у других славян; она давала деревенским и городским удалцам возможность «показать силушку», проявить себя, привлечь внимание девушек и женщин, а также снять накопившееся за будни напряжение. Кроме того, рукопашные состязания, предположительно, в древности символизировали борьбу зимы и лета, повышали производительные силы природы, т.е. стимулировали плодородие земли и обильные урожаи.

Кулачные побоища в русских городах и селах начинались прямо с самого утра масленичного четверга при большом стечении народа, невзирая ни на какую погоду, и поселяне считали их обязательным развлечением. На базарную площадь собиралась вся община, от мала до велика; приходили и люди из соседних деревень. Обычно сначала дрались ребята (но не моложе 10 лет), потом молодые парни, а последними – мужики. На площадке для бойцов нередко состязалось одновременно несколько пар, и победители в каждой паре боролись потом друг с другом, пока не оставался только один боец, самый сильный и умелый. Некоторые удалцы боролись также с медведем; правда, такие схватки считались очень опасными, и решались на них только самые отчаянные сорвиголовы.

Русские знали четыре вида борьбы с разновидностями, и каждый вид имел определенный набор разрешенных приемов. Например, часто дрались «в схватку» («в охапки», «в обхват»), когда борец обхватывал противника (одна рука – над плечом, другая – под плечом, и обе соединяются на спине) и пытался уложить его на землю. Другой вид борьбы назывался «в одноручку» («на одну руку», «за вороток», «наперекосок»), когда соревнующиеся брали друг друга за одежду одной рукой и пытались бросить противника на землю приемом «бросок с носка». Нередко дрались и «на вольную», «не в схватку», когда борцы хватали друг друга как попало, стараясь уложить противника на спину и удержать его так, пока он не признает свое поражение. А четвертый вид борьбы – «на поясах» («на кушаках», «за ремни», «за пояски») заключался в том, что соперники обхватывали друг друга крест-накрест, захватывая на спине пояс противника.

Помимо «честных» соревнований, на праздниках нередко происходили и драки, общие побоища. Собственно говоря, во время масленичных забав часто дрались сперва «сам на сам» (один на один), а дальше уже сходились «стеной», и после часового упорного боя устраивалась передышка. Такие соревнования были более характерны для городов; а в деревнях кулачные бои и драки чаще были разделены: бои «по правилам» устраивали на ярмарках, при большом стечении народа, а драки затевали парни на молодежных гуляниях. Как правило, драка происходила между компаниями («артелями», «ватагами») из разных деревень, и участие в таких побоищах знаменовало возрастную состоятельность юношей: в схватке они показывали свою силу, проворство и мужественность. Парней, убегающих от драки, считали трусливыми; они теряли уважение односельчан и девушки отказывались с ними гулять.

Драки случались обычно в то время, когда молодежь из нескольких деревень собиралась в одно селение на какой-либо праздник – Масленицу, святки и т.д. Какая-нибудь ватага подначивала группу из другой деревни, после чего противники кидались друг на друга и начиналось сражение. В ход пускалось разнообразное оружие: не только кулаки, но и камни, дубинки, колья, плетки, гирьки, иногда даже ножи. Драка велась без правил, так что многие оказывались сильно избиты и покалечены, некоторые даже погибали. Тем не менее, во многих местах молодежные драки считались непременным элементом праздничного гуляния и одобрялись всей общиной. В сущности, они являлись более жестким вариантом многих зимних игр, таких, как взятие снежного городка или «игра в мяч». И драки, и эти игры можно рассматривать как своего рода инициацию, посвящение в братство взрослых мужчин: они готовили парней к воинской службе, а также давали выход природной мужской агрессивности, позволяли юноше самоутвердиться и возвыситься среди сверстников. Поэтому, когда завязывалась драка, поселяне обычно только смотрели на нее со стороны, не пытаясь уговорить разбушевавшуюся молодежь. Посторонние вмешивались в драку только в том случае, если сражение становилось совсем уж беспорядочным: например, взрослые мужики могли растащить излишне разгорячившихся противников или помочь «своим» (односельчанам), если противник был более многочисленным; а девушки, старавшиеся обычно держаться подальше от дерущихся, иногда бросались в сражение, чтобы защитить поверженного друга или брата. В целом же, праздничные драки были делом исключительно молодых неженатых парней, представителей разных территориальных групп. Однако женатые мужики тоже нередко затевали побоища, хотя и несколько иного вида: выпив в праздник немало спиртного и изрядно «подгуляв», они начинали «задирать» прохожих, любой жест или слово могли воспринять как

оскорбление и немедленно кидались на обидчика. Это уже были обычные пьяные стычки, но в них могло участвовать довольно много народу, так как «русский человек спокойно мимо драки не пройдет» – друзья и знакомые зачинщика, едва завидя потасовку, обычно спешили в ней поучаствовать. После подобных стычек многие ходили с довольно тяжелыми увечьями, а после особенно жаркой схватки расходились почти нагишом: и сорочки, и порты на иных участниках битвы бывали разорваны в клочья.

Драки и бои не только калечили людей, но и приводили к смертоубийствам. Например, в Москве, согласно свидетельству иностранных путешественников, «в течение всей Масленицы только и слышно, что того-то убили, того-то бросили в воду», «у русских на этой (масляной) неделе убитых нашлось более ста человек». То же отмечали и русские писатели: например, согласно описанию Н.И.Костомарова, «на Масленице... ночью по Москве опасно было пройти через улицу; пьяницы приходили в неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитых. <...> В праздничные дни народ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примерные битвы происходили обыкновенно при жилых местах, зимой чаще всего на льду. Охотники собирались в партии, и таким образом составлялись две враждебные стороны. По данному знаку свистком обе бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны; бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот – бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми. Палочные бои имели подобие турниров и сопровождалась убийствами еще чаще кулачных боев. Зато на них-то в особенности русские приучались к ударам и побоям, которые вообще были неразлучны со всем течением русской жизни и делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне».

По-видимому, обычай состязаться в силе друг с другом появился еще в те древнейшие времена, когда небольшие племена людей враждовали друг с другом и военные стычки были самым обычным делом. По сути, люди вели себя подобно стае животных: самцы одной стаи сражались с другой стаей за территорию и между собой – за право оплодотворить самку и продолжить свой род; подростки, играя, боролись друг с другом, чтобы научиться сражаться всерьез. Эти первобытные инстинкты жили в человеке на протяжении столетий и находили выражение в различных народных обычаях. Борьба, драки и различные состязания, повсеместно проводимые в городах и селах, преследовали одни и те же цели: демонстрировали молодецкую удаль и воинские достоинства, тренировку силы, ловкости и различных боевых приемов, а также служили для «выпускания пара», т.е. выбрасывания накопившихся за время рутинной работы негативных эмоций. Помимо этого, состязание давало возможность «покрасоваться» перед девушками и общиной, занять более высокое положение в социальной иерархии. Однако со временем обычай народных сражений претерпевал значительные изменения, с одной стороны, под воздействием утвердившейся морали, а с другой стороны, под давлением Церкви. Церковь вообще не одобряла первобытные инстинкты и старалась их подавлять; она проповедовала смирение и покорность судьбе, а воинственные игры, тем более имевшие языческие корни и нередко приводившие к насильственной смерти, вопиюще противоречили ее доктрине. Соответственно, различные схватки, происходившие в праздники, были объявлены делом нечистым и бесовским. Предающихся запретным соревнованиям когда-то карали отлучением («да изгнаны будут от сынов Божьих церквей»); а убитые в драках, кулачных и палочных боях и вообще «заплатившие нечаянно жизнью за удовольствие потешиться» приравнивались к нечистым покойникам и считались проклятыми («да будут прокляты и в сей век и в будущий; аще ли нашему законоположению кто противится, ни приношения из них принимать, рекше просфоры и кутии, свечи; аще же умрет таков, к сим иерей не ходит и службы за них не творит»). Соответственно, опасные для жизни и здоровья драки потихоньку переходили в более безобидные состязания: бег наперегонки, стрельбу по мишеням, метание копий и дубинок и т.д.

Катание с гор.

Сооружение специальных катальных гор начиналось обычно еще за одну-две недели до праздника; занимались этим молодые мужчины и неженатая молодежь обоего пола. В больших селах к Масленице непременно строили одну большую катальную гору для всей деревни и еще несколько меньших горок, а для детей заливали лед возле ворот дворов. Для верхней части горы («головы», или «гузна») вкапывали в землю четыре высоких столба, клали наклонные слезы и на них начинали укладывать параллельно друг другу более-менее ровные и одинаковые по длине бревна. Сверху всю конструкцию замазывали конским навозом и постепенно покрывали снегом, который утрамбовывали и периодически поливали водой до появления толстой ледяной корки. Для удобства катания ледяную полосу – «скат», или «катище» – окружали невысокими защитными бортиками, а в конце ската еще делали длинную ледяную дорожку («улицу», «раскат», «хвост»); если же горку делали на берегу реки, то раскатом служил речной лед. Полосу катания также нередко украшали по краям вкопанными елками, снежными и ледяными фигурами и пр., а вечером освещали фонарями или факелами, сооруженными из намотанной на шесты пакли. В городах иллюминация была еще более яркой: там горки освещали с помощью лампад (плошек с жиром), смоляных бочек и фонарей.

Деревенские ребяташки опробовали катальные горки в первые же дни праздника, со вторника (на «заигрыши») к ним присоединялись и парни с девушками, но массовый характер катание с гор приобретало обычно в последние три-четыре дня праздника: в это время на горки собирался весь народ, приходили даже иные старики – «вспомнить молодость». Катание обычно начиналось где-то с полудня и непременно сопровождалось прибаутками, смехом, свитом и пр. За порядком на горке следили парни и молодые мужчины. Народ являлся на горку в лучших нарядах, хотя в процессе катания рисковал вывалиться и вымокнуть в снегу. Тех, кто явился на горку впервые, молодежь норовила еще и особо искупать в сугробе: у мужчин при этом сбивали шапки и натирали лицо снегом, а женщинам и девушкам совали снег за пазуху, под рубашки и платья.

Для катания использовались обычно либо салазки, либо разные народные приспособления – обледенелые рогожи и шкуры, ледянки (решета, обмазанные навозом и облитые водой для появления толстой ледяной корки), катанки или буки (старые обледенелые корзины), лотки (половинки чурок с плоским обледенелым основанием и выдолбленным сверху углублением), корежки (выдолбленные из дерева ладьи), катульки (своего рода лодочки, сооруженные из доски, заостренные на концах и с небольшим углублением сверху) и т.д. Катались, собственно, на всем, что могло более-менее легко скользить по ледяной поверхности. Спереди к этим приспособлениям обычно привязывали веревку, чтобы их можно было втаскивать за собой на гору.

По традиции катание открывали девушки. Они по одиночке или группами скатывались на донцах от прялок, и по тому, как далеко они укатились, поселяне судили о том, кто из них лучшая пряха и как далеко от дома суждено им выйти замуж. После девушек скатывались «на долгий лен» (т.е. для получения длинного и волокнистого льна) замужние женщины; они тоже катались на донцах от прялок, а также на обледенелых скамейках, санях без оглобелей или в специальных «лодках». Потом на горку допускались уже все желающие, кто как хотел; скатывались и по одному, и группами: на рогожах, например, скатывалось иногда и по десять человек, а на санках нередко катались «кораблем», когда двое садились лицом друг к другу, а третий устраивался между ними.

Во время катания обычно происходили своеобразные смотрины: молодые парни и девушки присматривались друг к другу и начинали формировать пары, которым на будущий год предстояло объединиться уже в настоящие семьи. Парни приглашали девушек кататься на расписных салазках – усаживали девицу или даже двух к себе на колени и скатывались с горы, отталкиваясь руками от бортиков ската. Если катались на рогоже, то парень садился впереди, а девушка становилась на колени за его спиной и обнимала его руками за шею. Когда спуск проходил удачно, девушка должна была поцеловать парня; а если санки заваливались в снег, то парень, как правило, оставался ни с чем. Во многих селах парню не полагалось катать одну и ту же девушку более трех раз (видимо, чтобы не оставались совсем без внимания другие, может быть, менее красивые девушки). Смелые девицы и сами усаживались на колени к парням, а нередко брались самостоятельно управлять салазками, катаясь только девичьим составом.

Во время катания парни нередко потчевали девушек специально захваченными с собой угощениями – семечками, орехами, конфетами и пр. Девицы же часто приносили на горки блины, угощались ими сами и угощали парней, припевая шутивно: «Расскажи-ка, Масленица, / Как блиночки пекла? / Ой, блины мои, блины, / Блины масляные! / Как блиночки пекла, / Сколько сдобья клала? / Растворила я блины / На холодной на воды, / Никто не покупает, / Никто даром не берет» и т.п.

В некоторых богатых семьях, где имелись девицы «на выданье», братья специально устраивали отдельные катальные горки для своих сестер. Горки ставились посреди двора, а матушки посылали специальных «позываток» по родным и знакомым звать молодежь (девушек и парней) в гости: «у нас горы готовы и блины испечены – просим жаловать». Позываток встречали с почетом, угощали вином и блинами и отпускали с наказом «кланяться хозяину и хозяйке с детками, со всеми домочадцами; а деток своих пришлем к вечеру». Отказываться от приглашения считалось неприличным, а если все-таки требовалось по каким-то причинам избежать визита, то ответить следовало в особой вежливой форме: «У нас-де состроены у самих горы и прошены гости». Явившихся на катание гостей «принимали с встречами у ворот, крыльца и образной», угощали блинами и прочими яствами, после чего приглашали «потешиться на горы», и во время этой забавы парни присматривали себе невест, а девицы – женихов.

Таким образом, в деревнях катание с гор, очевидно, не было простой забавой: оно как бы «побуждало землю к плодonoшению, растительность – к вегетации, женщину – к деторождению, а молодежь – к вступлению в брак». Такие представления были связаны с поверьем о том, что репродуктивные способности человека и земли тесно связаны и влияют друг на друга; по этой причине катание (по земле, снегу и пр.) в народной традиции воспринималось как процесс стимулирования земной плодородной силы и одновременно той же силы человеческой, «слияния [человека] с землей и оплодотворения ее». Но в городах, как и следовало ожидать,

катание очень быстро превратилось в обычное праздничное развлечение. Правда, при этом поведение катающихся на горах было также строго регламентировано: например, в сибирских городах простолюдинам разрешалось кататься каждый день праздника до поздней ночи, но высшие слои общества и чиновники ради приличия должны были появляться на горках лишь с полудня до двух часов дня.

Катание на санях.

На санях, запряженных резвыми конями, объезжали все село, ездили по окрестностям, нередко составляя целые поезда; этой забаве предавались все, у кого только была возможность. Очень популярны были в народе «съездки», т.е. грандиозные катания, происходившие обычно в каком-нибудь торговом селе или большом городе. На «съездки» в первую очередь приезжали молодожены, а также холостые парни и девушки со всех окрестных деревень. Катались обычно на тройках под песни и гармонь, наперегонки, с шутками, поцелуями и объятиями. Молодежь собиралась на катания с самого утра или даже еще с вечера, останавливаясь либо у родных, либо в тех домах, где были «игровые» или знакомые девушки. Сами же катания начинались часам к трем пополудни – кто выезжал на своих санях или вместе со знакомыми, а кого возили за деньги или угощение. Охотнее всего катали, разумеется, молодых девиц; при этом, если катал их кучер из чужой деревни, девушки непременно должны были напоить его допьяна и наделить гостинцами, а если катали парни, то им «платили» поцелуями и блинами. Об этом девицы, разъезжая в санях, пели: «Девки, масленка идет, / Кто нас покатает? / У Петруни за двором / Сивка пропадает. / Я о масленке катался, / Трое саней изломал, / Ворона коня замучил, / А милашку покатаю. / Не целуй меня на улице – / Целуй меня в сенях! Не целуй меня в сенях – / Целуй на маслену в санях!».

Катание на санях, как и катание с гор, в народной традиции тесно смыкалось с обрядами стимулирования урожая. Такие представления, кстати, были свойственны практически всем восточным и западным славянам. Например, в Ярославской губ. само масленичное катание на санях называлось «лен закатывать». В Польше с будущим урожаем льна и конопли связывался масленичный выезд (т.н. kulig, kulik) ; а словаки полагали, что урожай льна зависит от масленичного катания на лыжах, санках или коньках (т.н. klzanie или sankovanie). Восточнославянские женщины катались в масленичных поездах (особенно вместе с «сударыней-Масленицей» при встрече праздника) и съезжали с гор, чтобы «зародился длинный лен»; при этом, съезжая с горы, каждая женщина старалась не упасть и проехать как можно дальше, так как считалось, что «чем дальше проедешь, тем длиннее уродится лен».

Ритуалы, связанные с молодежью.

Катания на санях и с гор, а также ритуальные гостевания в определенные дни являлись важной частью обрядов, связанных с темой семейно-брачных отношений и направленных на то, чтобы ускорить свадьбу, содействовать холостой молодежи найти себе пару. Масленица вообще была праздником молодежи – и холостой, и уже вступившей в брак, поскольку и сам праздник в народном сознании был «молодым»: он отмечал начало весны (соотнесившейся с юностью, радостью, весельем) и пробуждение вегетативных сил земли (находившихся в тесной связи с человеческой способностью воспроизводства, чадородия). Кроме того, Масленица и подобные ей торжества являлись «праздниками идентификации (самовыражения) общины как единицы макросоциума, “лицо” которой представляла молодежь». Так что на Масленицу главное внимание уделялось молодым, и особенно молодоженам – людям, выполнившим свое жизненное предназначение .

Чествование молодых.

Молодые, обвенчавшиеся в течение прошедшего года, на сырной неделе обязаны были показаться «всему миру», в определенные дни посетить родных и друзей, уделить особое внимание тем, кто присутствовал на их свадьбе . Выше уже описывались обычаи гостевания, которые обязательно должны были соблюдать породнившиеся семьи; неуважение этого обычая осуждалось всей деревней. Традиции также требовали, чтобы нарядные молодые на Масленицу выезжали «на люди» в расписных санях, катались по селу и ездили по гостям, а также торжественно, под песни скатывались с ледяной горы. Кроме того, молодоженов нередко подвергали разного рода испытаниям, заставляли участвовать в различных ритуалах, которые должны были благотворно повлиять как на новую семью, так и на всю общину.

Демонстративное появление молодых на людях имело целью «закрепить в общественном сознании произошедшие перемены в семейном статусе молодых людей, представить окружающим новые семейные пары и интегрировать их в структуру существовавшей крестьянской общины на правах ее равноправных членов». Иными словами, своим поведением молодые как бы подчеркивали свой переход во «взрослое» состояние. Но при этом им еще следовало продемонстрировать крепость своего брака, единство новоиспеченной семьи и способность к продлению рода, т.е. выполнения своего социального долга перед

общинной. В связи с этим их то и дело просили (и весьма настойчиво – отказ во многих случаях просто не принимался) продемонстрировать свою любовь друг к другу. Для демонстрации своей любви молодые, как правило, должны были принародно целоваться и «миловаться».

Так, например, в Тверской губ. к молодой, вышедшей замуж в течение прошлого года, мужчины притаскивали покрытые ковром санки и перевернутую зубьями вверх борону, а молодая должна была «выкупить шельгу»; если она совершала выкуп иставляла пришедшим хорошее угощение, то ее возили на санях, а если скупилась, то ее прокатывали на бороне. Такой же обычай «окапывания молодых» встречался и в селах других губерний: мужчины на Масленицу обходили дома, где жили молодожены, поздравляли молодых с праздником и приглашали покататься, а молодая должна была щедро их угостить; если она не скупилась, то мужчины катали ее с мужем на салазках или санях, а если угощение обходников не устраивало, то молодых вытаскивали из дома и возили на бороне. Во Владимирской губ. поселяне утром врывались в дом, вытаскивали молодого и закидывали его снегом, а то и просто засовывали в сугроб (об этом ритуале говорили: «Молодых зятьев зарывать пойдем!»); жена в этом случае должна была выкупить мужа: поднести «зарывальщикам» щедрое угощение (блины, водку и пр.) и поцеловаться с молодым столько раз, сколько попросят.

Собственно говоря, на масленичной неделе молодым очень часто приходилось «откупаться» от односельчан деньгами и угощением. Например, в некоторых русских селах существовал такой обычай: незамужние еще девушки гурьбой являлись к теще, у которой в пятницу гостили молодожены, и «похищали» молодую – усаживали ее на санки прямо в сенях избы и везли кататься на улицу, а домой возвращали только после того, как ее муж давал им откуп – 30 копеек. В субботу молодому мужу тоже приходилось откупаться от холостой молодежи баранками и водкой, иначе они с молодой не могли выйти на улицу: собравшиеся подпирали им дверь бороной, запирая молодоженов в доме. В некоторых местах существовал еще и такой обычай: подгулявшие парни и девушки привозили к молодым прямо в избу на санях разбитного старика; у молодых в это время уже должно было стоять на столе угощение (блины, пряники, орехи, водка и пр.), которое старик раздавал всем завалившимся в избу гостям, после чего молодая должна была угостить собравшихся на улице взрослых и детей орехами и прочими лакомствами.

В некоторых губерниях в течение масленичной недели дома молодых посещали особые славельщики – группы ребятишек или молодых парней, которые должны были вызвать «новоженов» на крыльцо и громко их восхвалять; за свои песни они потом получали от молодых угощение (блины, пряники, водку), деньги и прочие подарки. Иногда славельщики вели себя точно так же, как колядующие на святки: они распевали песни-колядки, в которых обещали новой семье всяческие блага, но лишь при условии, что их щедро угостят. В отличие от прочих участников ритуальных обходов, вламывавшихся в дом и насильно вовлекавших молодых в какие-либо обрядовые действия, славельщики, как правило, не приступали к своему ритуалу без разрешения хозяев. Однако в некоторых случаях славельщики ловили молодую и начинали допытываться у всех присутствующих, «чья она»; молодой при этом должен был признать ее своей супругой, поцеловать в губы и потом угостить обходников.

Одним из очень древних масленичных обрядов, связанных с «новоженами», был обычай собирать с молодых т.н. «дань на меч», т.е. требовать выкуп за жену, взятую из другой деревни. Деньги, полученные от молодого, шли обычно на водку (которая распивалась потом «всем миром») и на чай-сахар для баб. Такая подать взыскивалась либо в день свадьбы, либо в мясное (последнее перед Масленицей) воскресенье, и при том взыскивалась по всей строгости: молодой не мог отвертеться от выкупа ни просьбами, ни хитростью. Вероятно, такой обычай возник еще в период родовых отношений, на что указывает факт уплаты выкупа не родителям невесты, а ее односельчанам. Схожий обычай существовал и в Польше, где замужние женщины на Масленицу являлись в дом, где жили молодожены, и на боронах, старых розвальнях, повозках, лопатах, прялках и пр. тащили молодок в корчму, где те должны были внести плату (выкуп) за право вступления в общество взрослых женщин.

Во многих русских областях принято было на Масленицу (обычно в субботу) устраивать «новоженам» так называемый «целовальник», когда каждый односельчанин мог прийти в дом к молодоженам и поцеловать молодую. По установившемуся ритуалу, молодка подносила каждому из гостей (обычно из числа подгулявшей деревенской молодежи) ковш пива, а гость, выпив, трижды целовался с ней. Кроме того, во многих селах молодым устраивали особые смотрины – т.н. «столбы», заключающиеся в том, что молодоженов, наряженных в лучшие костюмы (обыкновенно те, в которых венчались), ставили рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы или к столбам ворот и заставляли показывать, как они любят друг друга: прохожие кричали им: «Порох на губах!» или: «А нуте-ка, покажите, как вы любите?»; а молодые должны были целоваться у всех на глазах. Молодому при этом нередко еще полагалось выразить свою покорность мужу: например, в

Рязанской губ., когда молодых «подводили к столбу», мужа ставили к верее ворот, а жену перед ним, после чего заставляли ее узнавать желания мужа. Если молодой говорил, что хочет рыбы, то молодая должна была отвесить ему земной поклон и поцеловать три раза (или даже больше – по требованию присутствующих). «Столбы» продолжались обычно не слишком недолго: молодые стояли около часа, а потом отправлялись кататься или наносить визиты родне и всем тем, кто пировал у них на свадьбе.

На катаниях молодоженов встречали с великим почетом. На съездки и катальные горы молодые являлись обычно в венчальных нарядах, на расписных и богато украшенных санях; а там их уже поджидали холостые парни и мужчины, которые зазывали каждую прибывшую пару «новоженов» прокатиться с горы: «Молодую [такую-то] просим на горку!». Молодая жена при таком приглашении должна была вылезти из саней, в пояс поклониться на обе стороны и пешком подняться на горку, где ее ожидал муж. Поклонившись еще три раза, молодуха усаживалась к мужу на колени, обнимала за шею и целовала, пока о том просили окружающие. Без этого молодым не давали съехать с горы, окружающие придерживали сани, свистели и требовали «подмазать полозья»: «Еще, еще раз подмажь, ходче пойдет!». Через некоторое время сани наконец отпускали и даже сталкивали с горы, чтобы молодые проехали как можно дальше – считалось, что от этого зависит длина льна в новом урожае. В это время девицы, собравшиеся на горе и ожидающие своей очереди покататься, пели ритуальные песни: «Вот не с гор на гору снега сыплут, / Снеги сыплут, люли, снега сыплут. / На меня, молоду, свекор смотрит, / Свекор смотрит, люли, свекор смотрит. / “Хороша была у девицах, / У девицах, люли, у девицах, / Теперь хуже того в молодичах, / В молодичах, люли, в молодичах!” / ... / На меня, младу, мужик смотрит, / Мужик смотрит, люли, мужик смотрит, / “Хороша была у девицах, / У девицах, люли, у девицах, / Лучше того в молодичах, / В молодичах, люли, в молодичах!”» и т.п. Молодые же, съехав до самого конца ледяного ската, еще раз принародно целовались и уступали место следующим «новоженам»; все поженившиеся пары должны были скатиться по одному разу. Такой обряд в Архангельской губ. называли «солить рыжики на пост» или «примораживать».

В ряде южных русских губерний молодых или только молодуху с ее подругами катали на специальных санях, в которые впрягались вместо лошадей холостые парни, и за это работавших «конями» требовалось хорошо угостить. Иногда молодых, катающихся на санях, останавливала группа парней, которая срывала с молодого шапку и за ее возвращение заставляла молодуху прилюдно целовать мужа.

Иногда молодых во время катания старались уложить в снег или прокатить прямо по снегу, повалить по земле и т.д. Например, в некоторых местах принято было, когда молодые ехали в санях по селу, останавливать их и зарывать в снег или осыпать снегом, забрасывать старыми лаптями или соломой и т.п. Во Владимирской губ. во время катаний молодой муж садился на снег, жена садилась ему на колени, а холостые парни возили их по скату горы или по крутому склону. В некоторых губерниях молодых приглашали прокатиться в дровнях для возки воды, и когда «новожены» забирались в повозку, все присутствующие наваливались на них скопом, норовя уложить пару на дно. В Вологодской и Пермской губ. так поступали только с молодым из чужой деревни: молодого мужа парни и молодые мужики затаскивали в розвальни без оглобей или валили плашмя на лубяную пластину, после чего наваливались сверху, и вся эта «куча мала» с гиканьем и свистом скатывалась с горы.

На всеобщих съездках, когда по селу катались целые санные процессии, молодоженам полагалось ездить во главе масленичного поезда. Обычно разодетые молодые ездили в сопровождении друзей и родственников, а потом чинно прогуливались под ручку по базарной площади, качались на качелях и вообще присутствовали в центре внимания. Помимо этого, молодые традиционно посещали и молодежные гулянья, игрища, хороводы, беседы и прочие увеселительные собрания, которые устраивались холостой еще молодежью. Для новых семей это была последняя возможность повеселиться вместе со сверстниками, как бы проститься с прежней вольной жизнью. Однако отношения с прежними друзьями и подругами у «новоженов» были теперь иными: молодые уже бы перешли границу юности, обрели новый статус в обществе, поэтому холостые парни и девушки обращались к ним по имени-отчеству, со всяческим почтением. С другой стороны, парни и девушки, не вступившие в брак в положенный срок, подвергались всеобщему осмеянию и презрению.

Наказание холостой молодежи.

Масленицей в деревнях, по сути, заканчивался период заключения браков: далее следовал Великий пост и подготовка к страдной поре, когда земледельцам уже было не до свадеб. Поэтому те парни и девушки, которые были уже более чем готовы к браку, но по каким-либо причинам не нашли себе пары, обычно оставались холостяками до будущего сезона. Соответственно, они не только не переходили еще в категорию взрослых, но и отрицательно влияли на благополучие общины. Согласно магическому принципу подобия, большое количество браков и, как следствие, беременность большого числа женщин благотворно воздействует на плодородную силу земли и урожай, от которого зависит достаток и безбедное существование

всей деревни. Соответственно, безбрачие и бездетность могло пагубно повлиять на природу, вызвать неурожай, голод и падеж скота, в общем, различные нежелательные явления. Как писал С.А.Токарев, «в эпоху средневекового общинного быта, когда и складывалась вся система календарных обычаев, сфера брачно-половых отношений отнюдь не считалась частным делом заинтересованных лиц. Эта сфера задевала самые жизненные интересы сельской общины, прежде всего ее демографические, т.е. репродуктивные, интересы. Плодовитость женщины, многодетность исконно рассматривались как добродетель и как Божие благословение, бездетность же, безбрачие – как несчастье, как наказание Божие. Больше того, нежелание или неумение вступить в брак решительно осуждалось общиной».

В результате этих соображений «бобыли», «перестарки», «засидевшиеся в девках» воспринимались как социально неполноценные люди, нарушители законов общества и даже «вредители», которые своим поведением могут вызвать гнев Божий на все селение. По этой причине тех, кто отступил от своего «гражданского долга», в деревнях обычно наказывали. В самых простых случаях их просто ругали, позорили, высмеивали; но при этом во многих местах существовали также обряды, которые служили наказанием провинившимся, а параллельно должны были стимулировать будущие браки и предотвращать возможные последствия текущего безбрачия (неурожай и пр.). Эти ритуалы, известные у многих народов, приурочивались обычно к последним дням Масленицы или к Пепельной среде. Во многих случаях (особенно у западных славян) они сливались с карнавальными выходками молодежи, так что осуждающие песни, например, распевались ряжеными, какие-либо позорящие «неженатиков» действия выполнялись участниками ритуальных бесчинств, а ответственность за безбрачие наряду с прочими грехами возлагалась на масленичные чучела, символически изгоняемые или уничтожаемые в огне по прошествии праздника.

Очень популярным способом осуждения неженатых во многих местах служила т.н. «колодка». Суть этого обычая состояла в том, что ноге «виноватых» привязывали некий груз – кусок дерева, завернутое в холст полено, палку, ветку, платок или ленту – и заставляли ходить с этим грузом по улицам на виду у всей деревни. Если наказуемые не желали терпеть насмешки и хотели избавиться от позорного груза, то должны были откупиться деньгами или угощением (вином, блинами и конфетами). Обычно предметы, используемые в качестве «колодки», были некрупными, хотя иногда встречались и солидные грузы: например, на Смоленщине на Масленицу со всего села собирались бабы и привязывали подпругой к ноге того или иного холостяка небольшое толстое бревно; если же парень не хотел таскать его за собой весь день, то должен был внести за себя выкуп. Девушки, как правило, таскали за собой полено или какой-либо мелкий символ «колодки» (ленту, букетик цветов, бантик, платок и т.п.). В Харьковской губ. в понедельник на Масленице замужние женщины ходили по домам, где жили взрослые парни и девушки, и в привязывали матерям холостяков или самим «виноватым» «колодку» – маленький дубовый чурбачок или кусок полена; хозяйка должна была угостить женщин водкой, блинами и варениками, а молодежь, чтобы избавиться от «колодки», платила выкуп деньгами, и эти деньги женщины потом сообщая пропивали.

В некоторых районах наказывали в первую очередь незамужних девиц; а в других наказание чаще постигало парней. Например, «колодку» вешали парням, у которых сорвалась свадьба или не повезло при сватовстве («Калотки привязывают, хто не женщина. Хто сватаў, не высватаў – калотку привязывают и требуют магарыч. Никто тут не сердица»), а также девушкам, которые в течение года отказывали сватам и были излишне разборчивы («Колодку водят на Масленицу. Кого сватали, а она не пошла замуж, говорили: “Мы тебе колодку привяжем”. Они откупались»).

У восточных славян обычай ношения (волочения) «колодки» был распространен в первую очередь на Украине, в некоторых областях Белоруссии, а также в западно- и южнорусских областях. Но, помимо этого, «колодка» была широко известна в Польше, Словакии и Словении, встречалась и в некоторых других славянских странах.

Так, например, в Польше обряды с «клоцем» были распространены в центральных, южных и юго-восточных районах; приурочивались они по большей части к Пепельной среде. В предместьях Сандомежа, например, ритуал «przесеріаś kloca» проводился следующим образом: мужчины ловили на улицах холостых парней и привязывали их к огромному бревну («клоцу»), лежащему у корчмы, после чего заставляли их тащить это бревно вокруг корчмы. Наказуемые парни при этом просили, чтобы к ним привели их невест или подружек, так что мужчины отправлялись в дом к указанным девушкам, насильно притаскивали их к месту наказания и привязывали к тому же бревну; потом парень с девушкой стояли у бревна, пока родители не выкупали их. В селах под Тарнобжегом «клоц» таскала по селу процессия ряженных; по дороге ряженные хватали парней и девушек и привязывали им к ноге за веревку это бревно, приговаривая: «Раз не женился (не вышла замуж) в мясоед, то теперь тащи клоц и до тех пор будешь его таскать, пока не откупишься». Если холостяки откупались деньгами или водкой, то их отпускали, а в противном случае заставляли некоторое время таскать

бревно за собой. Согласно жалобе одной торговки от 1642 г., ей (как не вышедшей замуж в минувшем мясоеде) толпа ряженных насильно привязала «огромный дубовый пень длиной в шесть, а толщиной в четыре локтя, обвитый железными цепями»; ряженные также обвязали торговку соломенным перевязлом, после чего погнали вокруг ратуши, подгоняя «жесткими бичами». В более позднее время группы парней иногда специально обходили дома и привязывали незамужним девушкам «клоц» к ноге; если девушка откупалась от них, то груз снимали, а если у нее было денег на выкуп, то ее могли даже заставить влезть с «клоцем» на крышу. Более мягким вариантом этого обычая было привешивание небольших грузов – «клоцек»; в частности, их привешивали во время танцев в корчме девушкам или парням.

В Словакии и у моравян «волочение колодки» также совпадало с масленичными обходами ряженных. Например, словацкие парни в вывернутых кожах в сопровождении девушек на Масленицу возили на телеге «клат» (колоду), а родители девиц приглашали их в дома и угощали; в Моравии же парни, обходящие дома с ряженным «медведем», таскали за собой «клат» и при встрече с девушкой старались поставить колоду ей на ногу. В древности в подобных ритуалах использовалась довольно большая колода, но позднее вместо нее часто стали применять маленькие чурки («klátik»), причем в некоторых случаях их специально украшали лентами и пр. Такие «клатики» во время танцев привязывали за веревку девушкам на шею или на руку и заставляли откупаться; а если какой-нибудь парень освобождал девушку от «клатика», то она в благодарность должна была станцевать с ним.

По словенскому обычаю, волочить тяжелое бревно («ploh») должны были как холостые парни, так и ряженные (которые возили колодку «за дядю и за заржавевшую девушку»), причем зачастую проделывали это лишь в том случае, если в течение года в селе не состоялось ни одной свадьбы. Вместо бревна по селу иногда возили свиное корыто, набитый соломой мешок, колотушку, валец для белья, печную трубу и пр.; такие предметы могли таскать и парни, и девушки. «Виноватых» также могли прокатить в свином корыте, привязать к колоде или поставить перед их домом бревно («ploh»), как это делалось и в других местах (у поляков и пр.). Во многих случаях поступали так: участники ритуальных обходов притаскивали к дому незамужней девушки бревно, там отпиливали от него кусок и бросали в сени; родители «виноватого» при этом должны были откупиться деньгами или угощением. А если за прошедший год в селе не возникло ни одной «целой пары» (т.е. брака, заключенного между местными парнем и девушкой), то в знак позора на Масленицу устраивали «волочение ряженных»: например, парни катали в свином корыте «жениха» и «невесту», или водили (возили в лодке) «свадебную процессию», или наряжались «невестами», впрягались в корыто и с плачем бродили по селу. В Каринтии существовал еще такой ритуал: девушек в наказание заставляли тащить тяжелое бревно, на котором сидела соломенная «девушка», обвешанная цепями; парни подгоняли девиц кнутами, а впереди шел ряженный; у трактира вся эта процессия останавливалась, девушек угощали, бревно продавали, а куклу бросали в воду.

Как видно из описанных обрядов, «колодка», затрудняющая и замедляющая передвижение, как бы символизировала положение человека, которого вынуждали ее волочить: отягощенная ею девица или парень считались отставшими, медлительными (медлящими с браком). Однако символические «колодки», которые холостякам привязывали к ногам, вешали на одежду или на шею, вовсе не везде воспринимались как символ тяжелого наказания или позора. В этом нет ничего удивительного: ведь главным для земледельцев было не пристыдить холостую молодежь, а добиться бракосочетания и плодородия каждого отдельного индивидуума; поэтому и ритуал «колодки» был в первую очередь стимулирующим, он символизировал брак и побуждал молодежь к супружеству. Местами «волочение колодки» стало носить практически игровой характер: «Веревкой завяжусь да на шею – кругляк такой. Вот так два мушшны держать яго – один же не справица, а третий вешаить яму калодку, во и хахочуть, а он потаскаить да и скинеть». Известны даже случаи, когда инициаторами обряда выступали сами «виноватые»: например, в Черниговской губ. девицы на Масленицу таскали за собой на веревке небольшой обрубок дерева, обходя с ним собственные дома и требуя со своих матерей откупа, а затем сами же съедали полученное угощение в обществе парней.

В некоторых случаях «колодка» воспринималась даже как средство «свести» парня и девушку. Например, известны случаи, когда «колодки» вешали девушки своим избранникам: «Ў пятницу вечером деўкі прицепляюць хлопцам калодкі. Большэ жаніхам прыцепляюць. А они гостяць их. А у суботу атцепліваюць ленты» (гомел.). В Смоленской обл. на Масленицу «женили Бахаря»: на молодежном гулянии какой-нибудь паре «вешали колодку» – привязывали к рукам ленту с цветком, потом поздравляли и говорили, что теперь им нужно пожениться. В некоторых областях на Масленицу таскали «колодку» по дворам молодых парней и девушек для «складывания» будущих пар: «Качали калоду мальцы и дзеуки, апрадзялялі, каго с ким пажэнюць у гэты год, смеяліся так. А тады дзе клалі калоду да другога разу», «Цягаюць колоды, які е, кладуць одна на одну, страцяць ето, кажуть, хату. Ето хлопцу ці дзеўцы на выданні».

Насколько можно судить, ритуалы с колодкой основывались на представлении о бревне как о символе плодородия и о волочении как о магическом ритуале оживления вегетации. Они были родственны ритуальным обходам с плугом и бороной, характерными для весенней обрядности и даже некоторых зимних праздников. Кстати, в обходах с плугом и бороной очень активно задействовали молодежь; так что весьма вероятно, что ритуал «волочения колодки» как раз и возник на основе этих архаичных продуцирующих обрядов. В случае с холостой молодежью он как бы оказывал обратное воздействие, т.е. стимулировал вступление в брак и плодородие в социальной среде. Кроме того, символическое наказание провинившегося должно было как бы умиловить Бога и отвести его гнев от селения; откуп, выплачиваемый обществу, как бы компенсировал возможные неприятности, доставленные общине проступком; ну а избавление от наказания могло одновременно служить и устранением символической преграды к браку и благоденствию.

Помимо «колодки», популярным способом наказания в русских селах было т.н. «соление», когда девушку под каким-либо предлогом вызывали из дома раздетой на улицу, либо вытаскивали во время катания из саней и заталкивали в глубокую снежную яму или сугроб. При этом исполняющие обряд старались непременно набить снегу под рубашку наказуемой, стянуть платок с головы, натереть ей снегом лицо докрасна, а еще хотя бы частично обнажить девицу. Делали это для того, чтобы «освободить девушку от случившейся неудачи», чтобы она «не закисло» («не протухла») до следующего мясоеда и благополучно вышла замуж. Видимо, этот обычай основывался все на тех же представлениях о катании (валянии) как продуцирующем действии, стимулирующем плодородие, а также на вере в животворящую, оплодотворяющую силу воды во всех ее видах.

У южных и западных славян популярным способом осуждения молодежи были соломенные куклы. Так, словенские ряженые в один из последних дней Масленицы или в ночь на Пепельную среду водружали соломенных «деда» и «бабу» на крышу дома, где жили «неженатики», или на дерево, растущее поблизости от их дома. Чучела также привязывали к печным трубам, прислоняли к дверям или воротам, вешали на окна и даже рисовали на стенах домов; а в Нижней Краине «Пуста» в Пепельную среду «хоронили» (либо сжигали, либо закапывали в снег) возле дома девицы. Подобному осмеянию обычно подвергали самых старших из неженатой молодежи, а также парней, которым девица отказала при сватовстве, и девицам, которых бросил ухажер. В Хорватии ряженые водружали соломенных кукол вечером в масленичный вторник; однако там эти чучела могли выражать не только насмешку над холостяцким положением, но и осуждение за обиду, нанесенную кому-либо. Например, соломенный мужик под окнами девицы говорил о том, что ее подозревают в распущенности и «активном общении с парнями», а небольшая соломенная куколка намекала на то, что девица согрешила. Чтобы избежать позора, сама девушка и ее родственники (в том случае, когда подозревали о появлении такого «намёка») нередко стерегли всю ночь, дабы успеть убрать подложенную куклу.

В некоторых местах (у поляков, венгров и пр.) для осмеяния и наказания «неженатиков» прибегали к ритуальным бесчинствам: разбивали о стены дома незамужней девицы горшки с пеплом, навозом, кислой похлебкой, и пр.; замазывали окна дома известью или краской; втаскивали на крышу дома грязные возы из-под навоза, закидывали туда старые корзины и прочую рухлядь, и т.д. Кроме того, популярной формой осмеяния незамужних девиц повсюду были шуточные песенки, обычно распеваемые группами парней или ряженых, совершавших ритуальные обходы.

Встречались и другие, самые разнообразные виды наказаний для холостяков. Например, в Добжиньском крае на Масленицу в корчме ставили на стол или бочку «козелка» (куклу в форме козлика, изготовленную из дерева или корнеплода), после чего заставляли всех холостых парней положить под куклу деньги, а незамужних девушек – поцеловать «козелка» под хвост. В Кракове в последний день Масленицы замужние женщины ловили на рынке холостых парней и надевали на них гороховые венки. В некоторых селах Хорватии на ворота или столбы домов, где жили парни и девушки, которым уже давно нужно было вступить в брак, клали старую проросшую репу. У западных славян в качестве намека на необходимость скорейшего заключения брака часто устраивали «ярмарки невест» – шуточные игрища, во время которых «заневестившихся» девушек символически выставляли на продажу; как правило, девушек при этом выкупали их кавалеры, а если никто не соглашался заплатить, то девушке приходилось выкупать себя самой. Подобные ритуалы, собственно говоря, были ориентированы не столько на наказание холостой молодежи, сколько на восстановление равновесия в природе, т.е. на стимулирование скорейших браков; а откуп, который платили девушки и парни, должен был предотвратить возможные негативные последствия в природе.

«Проводы Масленицы».

«Проводы Масленицы» устраивались, как правило, в последний день масленичной недели, т.е. в воскресенье вечером. Этот обряд символизировал изгнание зимы и встречу лета; с него уже начиналась интенсивная

подготовка к страдной поре, заключающаяся не только в полевых работах, но и в многочисленных обрядах, стимулирующих плодородие земли. Это касалось не только славян, но и практически всех народов Европы, занимавшихся земледелием и скотоводством. Именно поэтому церковь, борющаяся с язычеством, накладывала на весенний период (Великий пост) особо строгие запреты: только таким способом можно было хоть отчасти искоренить непристойные с точки зрения христиан ритуалы вроде жертвоприношений древним силам природы или полового общения (кóитуса – магического средства активизации плодоносящего начала). Однако даже усилия Церкви не могли искоренить некоторых обрядов, по народному убеждению, жизненно важных для существования человека. К числу таких ритуалов относились, в частности, проводы зимы: ведь люди были уверены, что если зиму и смерть не выдворить за пределы жизненного пространства, если не пригласить с честью весну и лето, то теплое время года может и вообще не наступить, урожая не будет и все живое погибнет .

С точки зрения древних людей, чтобы изгнать зиму, ее нужно было символически уничтожить; поэтому обряд «проводов Масленицы» часто сосредоточивался вокруг соломенного чучела, называемого у русских «осударыней Масленицей», а у западных и южных славян – «Запустом» (или «Пустом», «Менсопустом», «Фашником» и др.). Эти чучела, как правило, изготавливались из соломы, пакли, тряпок, дерева и др.; им придавали мужской или женский облик. Например, в южнорусских губерниях могли делать как «Масленицу», так и «Масленика», порознь или вместе; изготавливали их девушки и молодки, для этой цели собиравшиеся в доме какой-нибудь пожилой крестьянки. При изготовлении чучела часто старались не просто придать ему антропоморфный облик, но и гипертрофировать присущие тому или иному полу особенности . Одежду для «Масленицы» подбирали в одних местах нарядную, а в других – ветхую и рваную (тогда и само чучело делали растрепанным). Солому и предметы одежды для чучела собирали по всей деревне с каждого двора. У нарядных кукол (изображавших, как правило, девушку с длинной косой и в праздничном наряде) нередко прорисовывали угольком лицо, старались сделать их привлекательными.

Готовую куклу, как правило, сажали на колесо, прилаженное сверху на длинный шест, и торжественно несли через всю деревню. «Масленицу» выходило провожать все село, а руководили шествием ряженые, скоморохи. С песнями процессия выходила за село, на поле, пустырь, холм или берег реки, к заранее подготовленному костру, где чучело сжигали. Впрочем, во многих местах сожжение чучела заменялось разрыванием на части (с последующим разбрасыванием соломы по полю ради обильного урожая), потоплением в проруби или в колодце, изредка – закапыванием в землю или «повешением».

Чучело для ритуала могли изготавливать в начале или середине масленичной недели, либо сооружали его лишь ко дню «проводов». Например, в некоторых русских губерниях создание чучела приурочивалось к масленичному четвергу, когда начиналось самое веселье. Тогда парни и девушки делали из соломы куклу, одевали ее в женский наряд, купленный в складчину, и затем в одну руку вкладывали бутылку с водкой, а в другую блин. Эту «сударыню-Масляницу» ставили в сани, а рядом прикрепляли сосновую или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и платками, и всю конструкцию прятали где-нибудь в сарае до пятницы. В пятницу, после завтрака, устраивали «встречу Масленицы»: вывозили куклу на улицу и праздничным поездом катили по селу. Во главе ехала сама «Масленица», рядом с которой ставили самую красивую и нарядную девицу . Сани с «Масленицей» волокли три парня, а следом тянулась длинная вереница запряженных парнями же салазков, в которых ехали нарядные девушки.

Выезд «Масленицы» открывался песней, которую затягивала красавица с передних саней: «Дорога наша гостыя Масленица, / Авдотьюшка Изотьевна, / Дуня белая, Дуня румяная, / Коса длинная, триаршинная, / Лента алая, двуполтинная, / Платок беленький, новомодненький, / Брови черные, наведенные, / Шуба синяя, ластки красные, / Лапти частые, головастые, / Портянки белые, набеленные!», «Наша Масленица годовая, / Она гостика дорогая, / Она пешею к нам не ходит, / Все на комонях разъезжает, / Чтобы коники были вороные, / Чтобы слуги были молодые! / Здравствуй, Масленица!», «Ой, Масленица-кривошейка, / Состречаем тебя хорошенько! / Сыром, маслом, калачом / И печеным яйцом! / Сударыня наша Масленица! / Протянися до Велика дня, / От Велика дня / До Петрова дня!» и т.п. Песню подхватывали остальные девушки и парни, и весь масленичный поезд шумно двигался по деревенской улице. По дороге к процессии присоединялись ребяташки, взрослые и даже старики, сопровождающие поезд до самой горы, где «сударыня-Масленица» открывала катание: те парни, которые привезли ее на гору, садились в сани, а прочие прикрепляли к саням салазки и все вместе скатывались вниз. Катание продолжалось обычно до самого вечера, после чего «Масленица» снова водворялась в сарай. На следующий день, в субботу, «Масленица» снова появлялась на улице, но на этот раз ее сани везла лошадь, украшенная разноцветными лентами, увешанная бубенцами и колокольчиками. Вместе с «Масленицей» снова садилась девица-красавица, но уже не одна, а с парнем-дружком, держащим в руках четверть водки и закуску (и то, и другое, покупалось в складчину, на общие деньги). За сани, как и прежде, привязывались салазки, на которых попарно сидели девушки и парни. Вся эта

процессия с песнями ездил по селу, причем парни обычно «пользовались всякой остановкой, чтобы выпить и закусить». Веселье продолжалось до самой темноты.

В воскресенье с самого утра все начинали готовиться к «проводам». Ребятишки и молодежь собирали и уносили за околицу старые плетни, испорченные бочки, ненужные дровни и т.п. и складывали из них огромный костер; а в некоторых местах топливо для костра (солому, дрова и пр.) крали или собирали по всем дворам: «Ельник, березник / На чистый понеделеньник! / Уж то ли не дрова – / Осиновы дрова, / Березовы дрова! / Подавайте их сюда / На Масленицу, / На горельщичу!». С приближением сумерек к костру направлялась «прощальная процессия». «Масленицу» снова везли в санях, украшенных еловыми ветвями, а сопровождающие ее девушки жалобно пели: «Сударыня-Масленица, потянися» и т.д. У костра «Масленицу» ссаживали с саней и ставили на снег, потом снимали с еловой ветки ленты и платки и делили их между девушками. Затем девицы запевали: «Шли, прошли солдатушки из-за Дона, несли ружья заряжены, пускали пожар по дубраве, все елки, сосенки погорели, и сама Масленица опалилась»; а парни в это время зажигали «Масленицу». Когда костер разгорался, в него бросали все остатки «масленичного обжорства» – блины, масло, молоко и проч., иногда сопровождая это действие приговором: «Гори, блины, гори, Масленица!», «Вот они каплют, блинчики плачут!» и т.п. Парни, перемазанные сажей, норовили и других испачкать, а в первую очередь, конечно, девиц и тещ: «Теща, люли, поджаривай блины!». Ребятишки, подбрасывая солому в костер, заклинали: «Масленица, прощай! А на тот год опять приезжай!»; молодежь же выкрикивала: «Убирайся вон, старуха грязная! Убирайся вон, пока цела!». После уничтожения «Масленицы» пепел от костра часто собирали и зарывали в снег, полагая, что это способствует плодородию.

Иногда «Масленицу» вместо сожжения «хоронили»: так, в Калужской губ. «делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, а на голову навязывают платок. В таком виде кукла эта изображает собою Масленицу. Затем одну бабу наряжают попом, наденут на нее рогожу наместо ризы и в руки дадут ей навязанный на веревке осметок – на место кадила. Двое из участвующих в обряде берут Масленицу под руки и в сопровождении толпы, под предводительством «попа» пускаются в путь из одного конца деревни в другой, при пении различных песен. Когда же процессия выступает в обратный путь, то Масленицу сажают на палки вместо носилок, накрывши ее пеленкой. Дошедши до конца деревни, процессия останавливается. Тут куклу-Масленицу раздевают, разорвут и растреплют всю. Во время шествия с Масленицей «поп», размахивая кадилом, кричит «аллилуйя!», а за ним кричит, шумит вся толпа – кто во что горазд: кто плачет, кто воет, кто хохочет и т.д. А когда Масленицу хоронят, то поют песни».

Песни, которыми «проводжали Масленицу», были схожего содержания: все они выражали сожаление о краткости праздника и оплакивали конец разгульного веселья. Например, при проводах пели: «Прощай, Масленица-вертушка, / Настает великий пост. / На деревне всё приели, / Подают селедки хвост! / Как на масляной неделе / В потолок блины летели! И-их! / Уж ты Масленица, ты обманщица, / Говорила семь недель, а остался один день!» (Калининская обл.); «Прощай, Масленица, / Прощай, красная! / Наступает великий пост, / Дадут нам редьки хвост. / А мы редьку не берем, / Кота за уши дерем! / Масленица-ерзовка, / Обманула нас, плутовка! / Оставила нас / На кислый квас, / На постные щи, / На голодные харчи. / Ай, Масленица, обманщица! / До поста довела – / Сама удрала! / Масленица, воротись! / В новый год покажись!» (Владимирская губ.); «Масленица, Масленица, / Семенова племянница, / Обманула-провела, / Нагуляться не дала. / Через семь недель / Будет светлый день, / Будем пасху святить, / Будем яйца красить!» (Ярославская губ.); «А масляна, масляна полизуха! / Полизала блинцы да стопцы, - / На тарельцы. / А мы свою масляну проводжали, / Тяжко-важно да по ней воздыхали: / “Ах масляна, масляна, воротись, / До самого Велика дня протянись!”» (Курская губ.); «Масленица загорела, / Всеми миру надоела, / Обманула, провела, / Годика не дожила, / До поста довела. / Шла сторонкою к нам, / По заулочкам, закоулочкам, / Несла блинов чугуны, / Надорвала животы! / Блинов напекла, / Сама все пожрала, / А нам редьки хвост / Дала на пост! / Весело гуляла, / Песни играла, / Протянула до поста, – / Гори, сатана!» (Владимирская губ.) и т.п.

В некоторых местах вместо чучела в ритуале «проводов» использовали живую «Масленицу» – нарядно одетую девушку или молодую женщину, старуху или даже старика в рванье. Такую «Масленицу» водили или катали по селу, а потом под крик и улюлюканье вывозили за село и там высаживали или вываливали в сугроб. В некоторых местах в качестве «Масленицы» возили мужика-пьяницу: так, в Ярославской губ. «запрягают десять лошадей и более в нарочно для того приготовленную большую повозку своего рукоделья: лошади впрягаются гусем одна за другою; на каждую из них сажают вершника в рубище, разодранном с ног до головы, всего выпачканного сажею; один вершник держит большой кнут своего изделия, другой – метлу; везде и даже на свои шеи навешивают коровьи колокольчики и всякие погремушки; рогожную кибитку, всю испачканную, увешивают вениками, как будто унижают жемчугом, и сажают в нее пьяного человека, тоже испачканного сажею и в разодранном рубище, облитом пивом; подле него стоит бочонок с пивом, против него – раскрытый сундук со съестными припасами – пирогами, рыбою, яйцами, оладьями и пряженцами»; и весь этот поезд под

смех и шутки проезжал по всей деревне, после чего отправлялся в соседнее село .

Иногда для «Масленицы» (чучела или ряженого) устраивали своеобразный насест из тележного колеса. Например, в Сибири «робята, заготовив соломенное чучело с мужскими атрибутами и принарядив его в “мужичье” платье, усаживали в специальный экипаж, составленный из связанных в ряд двух-трех саней; в них впрягалось по одной лошади; в передок саней ставилась пустая бочка, рядом – стол с закуской, пустыми бутылками и винными стаканчиками; посредине водружалась жердь (в 9-10 аршин высоты), на нее надевалось на некотором возвышении колесо, а на нем привязывалось чучело в сидячем положении, с привязанными к нему куском коровьего масла и бутылкой со стаканами; на тот же экипаж клалось еще корыто». В Симбирской, Саратовской и Пензенской губ. устанавливали на восьми или десяти дровнях, либо на огромных снях толстый и довольно высокий столб, привязывали к его макушке колесо, а сверху сажали «Масленицу» – известного всей деревне весельчака, молодого мужика или парня, «опытного в разных забавах и причитаниях»; его наряжали (иногда и по-женски), давали в руки чарку с вином и калачи, после чего возили в снях по всему селу, а «Масленица» при этом «представлял различные шутки, свойственные деревенскому мужику», либо пугал детей, кланчивших скоромное в канун поста. Сани его вместо лошадей тянули нескольких человек, ряженных лошадьми, а сопровождали «Масленицу» скоморохи, распевавшие песни, отпускавшие шутки и вообще всячески дурачившиеся.

Ряженье, маскарады и скоморошья забавы при «проводах Масленицы» вообще были характерны для славянской народной традиции. Ряженные являлись представителями иного мира, «того света»; в них видели и души умерших, и стихийных духов, и жрецов древних богов. Рядились чаще всего в животных (коня, козла или козу, быка или тура, медведя, верблюда, журавля, аиста и др.), персонажей загробного мира (умерших предков, покойников, смерть, разных страшилищ), в «свадьбу», пародийную брачную пару (где в качестве невесты и жениха обычно выступали ряженные «баба» и «дед»), а также в «чужих» (цыган, евреев, немцев, купцов и др.) или представителей нечистой силы (ведьму, русалку, черта, лешего и пр.). Этим ряженным и называли соответственно: «кудесники», «чудики», «черти», «лешаки», «чаровники», «деды» и др. Рядились, как правило, холостые парни, изредка – девушки или взрослые (мужики и бабы). Для изменения облика они мазали себе лица сажей или мелом, надевали личины (хари), закрывали лицо и голову тканью, соломенными волосами или остроконечными колпаками, оборачивались соломой, зеленью или тряпками, привязывали на спину горбы, надевали вывернутые мехом наружу тулупы или накидывали на себя шкуры животных, мешковину, полотно и др., навешивали на одежду колокольчики, бубенцы, старые вещи (лапти, веники и др.) и т.д. Иногда, стараясь придать себе еще более страшное обличье, взбирались на ходули, вставляли в рот клыки из репы или таскали с собой кожуру тыквы с прорезями для глаз и горящей свечой внутри, брали в руки бичи, пруты, косы и т.д. Для того же, чтобы вызвать смех, надевали одежду противоположного пола (парни – девичий наряд, и наоборот) или другого возраста (молодые наряжались стариками, а старики – юношами), делали свой наряд нелепым (надевали костюм с разной длины рукавами и штанинами, разную обувь, корзину или горшок вместо шапки и т.д.), а также вели себя, как пьяные, отпускали разные шутки, устраивали потешные перебранки и т.д. Святочное и масленичное ряженье часто содержало и эротические намеки: ряженные не только сами вели себя «непристойно» (отпускали соответствующие шутки, задирали женщинам подолы, разыгрывали эротические сценки и т.д.), но часто подбивали на это и других (например, заставляли парней и девушек прилюдно целоваться).

И ряженье, и символическое уничтожение «Масленицы» имело целью стимулировать плодородие земли и обеспечить хороший урожай. В сожжении или потоплении «Масленицы», например, одни исследователи видели умиловительную жертву богам, а другие – символическое уничтожение или изгнание зимы и смерти с целью ускорить приход лета. Поведение ряженных, как видно из зимне-весенних обрядов, направлено было на усиление плодородной силы как таковой, а иногда – и конкретно на плодородие земли. Так, в юго-восточной Болгарии и восточной Фракии на Масленицу (в течение всей недели и в первый понедельник Великого поста) «ради урожая» ходила особая бригада ряженных холостых мужчин – т.н. кукуеров. В их дружине было четкое распределение ролей: предводителем был «кукер» или «хаджия», а его «свиту» составляли «кукерица» (или «невеста», «баба»), «царь», два или четыре «сборщика налогов», «парикмахер» и др. Кукуеры рядились обычно в вывернутую мехом наружу одежду, увешанную разными по величине колокольцами и бубенчиками, и причудливые маски, украшенные монистами, зеркальцами, перьями, лентами и пр. В руках они носили деревянные сабли или фаллосы. Кроме того, каждый участник мог иметь какие-то особые, отличительные черты: например, ряженный «бабой» одевался в лохмотья и таскал в руках корзинку с прялкой и пряжей, а также «ребенка» из дерева и тряпок; кроме того, во время обходов он нередко имитировал роды, выпуская из-под одежды котенка, или похищал настоящего ребенка. «Сборщики налогов» носили с собой цепь, которой ловили встречных, требуя с них «неуплаченные долги»; а «парикмахер» норовил «побрить» окружающих своей деревянной саблей. Дружина кукуеров обходила все дворы, изрекая благопожелания и собирая подарки, а также представляя комичные сценки. Время от времени кукуеры

пускались в пляс и во время этих буйных танцев звонили в колокольцы, размахивали деревянными фаллосами и саблями, прогоняя нечистых духов. Завидев бездетных женщин, они бросались за ними следом, чтобы их «оплодотворить». В завершение обряда на сельской площади устраивали для кукурузы пиршество; главным персонажем теперь становился «царь», который провозглашал тосты за здоровье, урожай и плодovitость всего живого. После этого устраивали символическое «запахивание и засеивание»: кукурузы впрягались в плуг, а «царь» погонял их, распахивая три борозды и засеивая их; затем кукурузы «убивали» своими саблями «царя», но тот через некоторое время «воскресал», изображая этим весеннее «воскрешение» земли и покоящихся в ней семян.

Характерно, что карнавалы шествия ряженых происходили и в тех местах, где чучело «Масленицы» не делали вовсе. Также повсеместно на Масленицу разжигали костры в специально отведенном для этого месте (за селом, на возвышенных местах, на полях или у реки). Топливом для костров служила преимущественно солома, а также просмоленные бочки, дрова, всякие щепки и мусор: «вечером в воскресенье [масляной недели] поселяне выносят из своих дворов по снопу соломы и, сложивши их на окраине деревни, сожигают при радостных кликах и песнях собравшегося народа, – каковой обряд называется сожжением Масленицы. Иногда пуки соломы навязывают на шесты, расставляют по дороге и палат после солнечного заката, а иногда заменяют их дегтярными бочками. Существует еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собирают по дворам хворост, щепки, худые кадки, складывают все это на ледяной горе и затем разводят костер». В огонь масленичного костра часто выбрасывали и всякое старье – износившиеся лапти, бороны, веники, бочки и прочие ненужные вещи, предварительно собранные (а иногда даже специально для этого украденные) детьми или молодежью по всей деревне. Сжигалась в кострах и скоромная пища, а в некоторых местах и вообще вся еда, оставшаяся с Масленицы.

На Балканах (Болгария, Македония, восточная Сербия) масленичный костер считался самым главным в году; его раскладывали прямо на земле, иногда вокруг столба, а вдобавок к этому пускали огненные стрелы (символ молнии) и возжигали гигантские факелы. У русских же принято было на Масленицу зажигать большое тележное колесо; при этом его либо насаживали на длинную жердь, воткнутую посреди ритуального костра, либо поджигали и скатывали с горы. Колесо у всех славян считалось символом солнца; сочетая в себе символику круга и движения, оно ассоциировалось с «поворотом» небесных светил, а также с небесным огнем вообще. Колесо на шесте, выставленное на Масленицу посреди села, соотносилось с общеславянским образом мирового дерева и часто являлось ритуальным центром праздника, а его сожжение символизировало разгорание небесного светила, означающее приближение лета.

Разжигание огня на Масленицу повсеместно считалось способом активизации вегетативных сил земли. Считалось, например, что масленичные костры способствуют урожаю, и чем выше костер, тем лучше урожай; там, где был виден свет костра, рожь уродится гуще и не будет летом града. Болгары пускали от костра огненные стрелы «за жито» (чтобы жито лучше уродилось); а жители западной Сербии размахивали факелами в садах, чтобы было больше фруктов, и обходили с факелами загон со скотом, приговаривая: «Факел горит, корова плодится, жито родится». Кое-где считалось также, что у тех, кто выше прыгнет через костер, будет лучше урожай пшеницы, вырастет выше лен и т.д.

Поскольку масленичный огонь, олицетворявший солнце, повсюду считался святым и очищающим, его повсюду считали оберегом от всякого зла (нечистой силы, болезней и пр.), исцеляющим и усиливающим жизненные силы. Например, в юго-восточной Сербии дети перепрыгивали через костры, называемые «черная ведьма» («каравешница»), и при этом кричали: «Черная, черная ведьма, ты, баба, ведьма!»; этим они изгоняли из села всех ведьм, после чего собирали по домам яйца в качестве вознаграждения. У болгар через масленичный костер прыгали все, т.к. считалось, что это действие на весь год предохраняет от вредных насекомых, а также от болезней и злых духов. Сербия и хорваты тоже верили, что перепрыгивание через костер защищает на весь год от укусов блох и змей. Схожие поверья существовали и у восточных славян: русские, например, прыгали через костер, чтобы избавиться от болезней, защититься от порчи и т.д. Даже само пребывание около костра обеспечивало человеку здоровье и удачу на весь год.

Прощеное воскресенье.

Последний день масленичной недели, когда уничтожалось чучело и возжигались яркие костры, назывался в народе «Прощеным воскресеньем» (макед., болг. «Простени поклади») и считался наиболее важным днем масленичной недели. Этот день посвящался заговенью: «часа в 4 пополудни на сельской колокольне раздавался печальный великопостный благовест к вечерне», он служил сигналом к концу масленичного веселья и началу Великого поста. После того, как звон смолкал и отходила вечерня, все родственники, соседи, близкие и знакомые начинали ходить по избам, прося друг у друга прощения за все причиненные обиды и неприятности: они низко, до земли, кланялись друг другу и говорили: «Прости, Христа ради, в чем я

перед тобой согрешил», или: «Прости меня, пожалуй, буде в чем виноват пред тобою», а им отвечали: «Прости и ты меня». «Прощаться» непременно ходили родственники к старшему в роду; а завершалось «прощание» поцелуем и низким поклоном. Иностраный путешественник Маржерет в нач. XVII в. писал: «На Масленице русские посещают друг друга, целуются, прощаются, мирятся, если оскорбили друг друга в чем-либо в продолжение года словом или делом, встретясь даже на улице, и хотя бы никогда прежде не видались, приветствуют друг друга взаимным поцелуем».

В некоторых местах (по большей части, в северных лесных районах России) существовал даже специальный ритуал «прощания»: гость, входя в дом, становился около дверей на колени и, обращаясь к хозяевам, говорил: «Простите меня со всем вашим семейством, в чем я нагрубил вам за этот год»; хозяева же и все, находящиеся в доме, отвечали: «Бог вас простит и мы тут же». После этого гости вставали и хозяева, облобызавшись с ними, предлагали им угощение. При этом и сами хозяева через некоторое время отправлялись «прощаться», и весь обряд проводился сызнова. Так, переходя из избы в избу, поселяне нередко ходили «до света», причем в некоторых местах и мужчины, и женщины, проходя по улице, выкрикивали: «Сударыня-Масленица, потянися!», «Мокрогубая Масленица, потянися!» и т.п.

Взрослыми обычай «прощания» соблюдался весьма строго и со всей серьезностью; но «прощание» молодежи обычно носило шуточный характер. Так, например, в некоторых местах этот обряд проходил следующим образом: парни и девушки становились в ряд, затем один из парней подходил к крайнему с правой стороны человеку и говорил ему: «Прости ты меня, милый Иван (или милая Дарья), в чем я перед тобой согрешил»; тот (или та) отвечал: «Бог тебя простит и я тут же», после чего «прощающиеся» три раза целовали друг друга. Так «прощающийся» проходил весь ряд и становился с краю, чуть в стороне, а за ним шел «прощаться» следующий. При таком «прощании», как правило, не обходилось без разных шуток, и ритуал проходил шумно и весело.

Особенным был обряд прощания в семейном кругу. Вечером вся семья садилась за ужин (причем последним блюдом обязательно подавалась яичница), а после ужина вся семья принималась усердно молиться. Затем самый младший начинал «прощаться», кланяясь в ноги всем старшим по очереди; получив прощенье, он отходил в сторону, а за ним, в порядке старшинства, начинал кланяться следующий по возрасту член семьи (но младшему он не кланялся и прощенья у него не просил). Последней кланялась хозяйка и просила прощенья только у мужа; глава же семьи никому не кланялся. Если у семьи были люди в услужении, то они тоже приходили «прощаться», приносили свое челобитье.

Еще в XVII в. сам государь со своими боярами, окольничими и думными людьми свято чтит обычай «прощания» и ходил кланяться патриарху. Патриарх угощал дорогих гостей медами и романеей (высококачественным зарубежным вином).

Крестьяне в последний день любимого праздника ходили «прощаться» и с покойниками, умершими родными и близкими. Вообще обычай ходить на кладбище в последний день Масленицы поддерживался, главным образом, бабами, хотя исполняли его и мужики, а в некоторых местах на кладбище ходили даже целыми семьями. На кладбище бабы шли кучками, по 10-12 человек, и собирались примерно в четвертом часу пополудни; при этом они брали с собой блины и старались ничего не говорить по дороге. На кладбище все расходились и отыскивали родные могилки, становились на колени и, со слезами на глазах, отбивали по три поклона, шепча: «Прости меня (имярек), забудь все, что я тебе нагрубила и навредила». Помолвившись, они клали на могилку блины (а иногда ставили и водку) и, снова молча, отправлялись домой. При этом считалось хорошим признаком, если на третий день на могиле не осталось ни блинов, ни водки: в этом случае родные полагали, что покойнику хорошо живется на «том» свете и он не помнит зла и не сердится на принесшего угощение.

Масленичные приметы.

С Масленицей, как с переломным временем года, связывались различные приметы о погоде и урожае. Так, например, считали, что ненастье в воскресенье перед Масленицей или оттепель с заморозками в прощенный день сулят урожай грибов, а снег на Масленицу предвещает урожай гречихи. В Ярославской губ. говорили: «Какой день Масляны красный, в такой сей пшеницу». Метель в первый день Масленицы считали знаком того, что и вся сырная седмица будет такой («Помело метлой на Масленицу; придет осударыня Масленица метельная»); а если при встрече Масленицы, в первый день праздника, зародился новый месяц («окунул рог в масло»), то это считали хорошим предзнаменованием, сулящим богатый урожай и сытую жизнь в течение всего года.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)